

На грани вызова

Автор:

Эль Бланк

На грани вызова

Эль Бланк

Другие миры (АСТ)

В одно мгновение потерять родных и единственной выжить. Застрясть на планете за тысячу парсек от Земли и не иметь возможности вернуться. Оказаться среди тех, кто ненавидит чужаков и сначала стреляет, а потом начинает разговор. Осознавать, что обречена, точно зная, что никто щадить не будет. Такие испытания не для хрупкой девушки? Наверное.

А она все равно не сдастся! Сначала спрячется. Потом замаскируется. Сделает то, ради чего пожертвовали жизнями близкие. Поможет тем, кто меньше всего этого ждет. И даже влюбится! Если, конечно, кандидата найдет достойного.

Эль Бланк

На грани вызова

© Эль Бланк, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Грохот над головой оглушал. Сиденье подрагивало и вибрировало, идеально попадая в ритм работающих с перегрузкой двигателей. Датчики контроля за состоянием щита истерично мигали, пытаюсь донести до меня степень той ужасающей огневой мощи, что сейчас лавиной обрушивалась на корабль. Я же учащенно дышала и неотрывно смотрела лишь на одну шкалу – ту, что показывала уровень затрат энергии.

Семьдесят процентов. Для работы защитного экрана хватит и десяти. Так что терпимо, кабы не одно «но». Уменьшается столбик катастрофически быстро. И если скорость расхода не изменится, то...

Быстро завела в программу вильюрера параметры и ужаснулась: полчаса – это в лучшем случае, с большей вероятностью – минут пятнадцать, в худшем... Лучше не думать.

– Медея, – отвлек от расчетов строгий голос отца. Удивительно спокойный для ситуации, которая вовсе не была рядовой. Впрочем, как и ожидаемой. – Иди к матери.

– Зачем? – возмутилась я, вцепляясь в подлокотники кресла, словно меня из него уже выдергивали. – Папа, я здесь нужна! Это мое место! Я же всегда тебе помогала. Ты один не справишься!

– Мне встать и тебя отвести? – охладил мою горячность жесткий ответ.

Посмотрела на лицо, закрытое непроницаемым щитком шлема, на напряженную фигуру, склонившуюся к соседней консоли, и сникла. Бесполезно. Отец у меня непробиваемый, особенно если что-то окончательно решил.

Да и мы сейчас не в том положении, чтобы вести дискуссии – обзорный экран не просто так подернут мертвенно-сиреневой пленкой защитного покрытия. За ним, почти неразличимые, видимые лишь смутными темными силуэтами, но от этого не менее страшные, корабли рарков. И та самая огневая мощь, которую едва сдерживает щит нашего дискоида, идет именно от них, появившихся так неожиданно, что сформировать синхро-канал и вывести нас из-под удара папа

просто не успел. А теперь он лавирует на крошечном кусочке космического пространства, отыскивая среди окруживших нас крейсеров слабое звено, которое можно разорвать и выбраться из западни. Мешать ему и отвлекать – чревато.

Расстегнув ремни, удерживающие меня в кресле, я встала и тут же вцепилась в спинку. Пол кренился, вибрация из мелкой, тряской, превратилась в резкую, рваную. Дойти до выхода из рубки и удержаться на ногах оказалось делом непростым. Впрочем, путь по коридору тоже не был легким и прямолинейным. Я дважды приложила плечом к ребристым стенам, прежде чем добралась до лаборатории.

– Все плохо? – встретил меня беспокойный голос мамы и руки, поддерживавшие как раз в тот момент, когда я готова была упасть, перешагнув через порог.

– Ага, – вздохнула я. Пробираясь следом за родительницей между, к счастью, накрепко зафиксированным на полу оборудованием, удивилась: – Мы куда?

– Папа приказал залезть в стабилизационную капсулу.

Ответ оказался настолько ошарашивающим, что я остановилась, глядя в затылок с собранными в пучок седыми, когда-то каштановыми волосами.

Капсулу? Она же герметична и неразрушима, а это значит... Просто страховка или другого способа спастись нет?

– Медея? – обернулась мама, хватаясь одной рукой за ближайший агрегат, чтобы не упасть от нового толчка, а другой вцепляясь в мое предплечье. – Идем!

– Мы не можем его оставить! – рванула я обратно, однако пальцы держали крепко.

– Прекрати истерику! – прикрикнула родительница. – Твой отец просто не хочет волноваться за нас. Он справится! Не смей даже сомневаться.

Я бы с радостью, да только паника, почти незаметная в начале и нарастающая по мере осознания происходящего, сводила на нет все мои усилия под грохот,

теперь напоминающий бомбовые удары.

Сдвинув внешнюю обшивку, мама отстранилась, непререкаемым жестом приказывая мне залезать. Если у меня и были возражения, кому из нас идти первой, то они разбились о суровый карий взгляд и плотно сжатые губы. Слова застряли в горле, руки послушно раздвинули внутренние листки капсулы, тело протиснулось сквозь эластичный материал.

Оказавшись в темноте, я включила подсветку наручного коммуникатора и обернулась.

– Мама? – позвала, когда вместо ожидаемого движения следом увидела неподвижные сомкнувшиеся створки. – Мама! – рванулась обратно, наталкиваясь на сопротивление пленки, закрывшей ставшую герметичной обшивку. Царапая упругую массу и падая на колени, всхлипнула: – Мама...

– Ты права, дочка, – донесся до меня ее голос из коммуникатора. – Я твоего отца не оставляю. Если все обойдется, то не о чем было и переживать. Если нет... Я разделю его судьбу. Да и смерти я не боюсь – мы долго прожили и много видели в своей жизни. А ты молодая, тебе надо жить.

– Нечестно! – выкрикнула я в отчаянии, в десятый раз пытаюсь достучаться до датчика разблокировки двери, который уперто отказывался срабатывать. – Неправильно! Выпусти меня! С ума сошли?! Я все равно погибну в этом герметичном «гробу». Лучше уж с вами...

– Глупая, – оборвал мои причитания не то вздох, не то хриплый смешок. И это был уже не мамин голос. Отца. – Не погибнешь. И вообще, лучше умереть поздно, чем рано... Лидея, – неожиданно позвал маму, – таймер на замок поставь, и ко мне.

– Не дрейфь, дочурка, – отозвался теперь уже ее голос. – Иду, Эдер.

Я без сил рухнула на покрытие. Ну вот. Теперь мне не выйти, пока не сработает счетчик. Даже в таких экстремальных условиях родители все просчитали, включая то, что я ни за что бы их не оставила и добровольно не пошла бы в капсулу одна.

Обман... Ради спасения. Разумом это можно было понять, чувствами – нет. Потому, борясь с жутким коктейлем надежды, злости, отчаяния и ожидания, я прислушивалась к себе. Звуки сюда не проникали, амортизаторы гасили удары, а коммуникатор выключился, более не сообщая о происходящем снаружи. Для анализа мне оставались лишь ощущения положения тела и веса. И пока они не менялись, можно было верить, что все закончится хорошо.

Глава 1

Смертельная ловушка

– Плотнее друг к другу. Не пропускать его. Держать окружение!

Приказы – резкие, жесткие, не оставляющие надежды тем, кто невольно стал объектом для атаки, – срывались с губ командора Лейса, гулким эхом отражались от экранов и стен рубки флагманского крейсера, уходили в эфир и послушно исполнялись капитанами флотилии. Они с той же фанатичностью, что и их главарь, жаждали лишь одного – уничтожить попавших в западню. Раздавить. Смять. Испепелить...

– Какой же у него запас прочности? – рыкнул стоящий рядом с командором офицер, не отрывая взгляда от диска – уворачивающегося от искрящихся залпов, озаряющегося призрачным сиреневым светом при косых попаданиях и отчетливо содрогающегося при прямых.

– Какой бы ни был, – презрительно хмыкнул адъютант и предрек с предвкушением: – Навечно его не хватит. Спечется.

Судя по одобрению, которое читалось в глазах находящихся в рубке, полагал так не он один. Лишь сам командор щурился, приподняв верхнюю губу и обнажив белые зубы. Видимо, были у него какие-то сомнения. Подозрения. Предчувствия. И они оправдались.

Загнанный в ловушку диск неожиданно резво, набирая скорость, рванул в сторону одного из кораблей, стоящих на траверсе флагмана.

– «Зигар», обходной маневр. Третье звено, сомкнуться! Остальным прикрыть брешь! – мгновенно отреагировал Лейс, рассчитывая вынудить добычу снова оказаться на линии огня.

Однако у тех, кто управлял диском, планы были иными. А когда суть и смысл маневра стали ясны, предпринимать ответные действия было поздно – разогнавшийся корабль на полной скорости протаранил идущий на перехват крейсер. Огненный шквал рванул из изувеченного борта, куски обшивки полетели в стороны, двигатели полыхнули максимальным по силе всплеском – ходовая часть среагировала на удар активацией.

– Идиот, – процедил сквозь зубы командор. И осталось непонятным, то ли он имел в виду командира-неудачника, допустившего столкновение, то ли бесстрашного пилота, решившего пойти на таран, то ли самого себя, не предотвратившего потерь.

Выяснять это никто не рискнул. Адъютант молча пожал плечами, пилоты уткнулись в мониторы, капитан флагмана пристально следил за медленно, но увеличивающим скорость кораблем. То есть, по сути, уродливой конструкцией из двух кораблей, спекшейся в единое целое, вращающейся, но при этом неотвратимо стремящейся к наползающей на боковой обзорный экран планете.

– Щ-щ-щедар! – заорал Лейс. Резко подался вперед, впечатывая ладони в гладкую поверхность консоли. – Шестое и пятое звенья! На перехват! Стрелять! Уничтожить! На куски порвать! Не дать войти в атмосферу! Гр-р-р!..

Слова у него закончились, лицо побагровело, и командор, оттолкнувшись, упал в кресло, стоящее позади.

Причину его состояния понять было не сложно – под завязку начиненный боекомплект, с практически не израсходованным запасом топлива на маршевых двигателях, пусть и поврежденный, но покрытый прочной броней крейсер имеет все шансы не просто долететь до поверхности, не сгорев в атмосфере, но еще и взорваться, погребя в руинах не одно поселение. А за такое виновник, пусть и косвенный, может запросто головы лишиться. Если, конечно, его не пощадят.

Лейс ложных иллюзий не питал, потому, взяв себя в руки, вновь сосредоточился на командовании.

«Ускориться», «усилить огонь», «бить на разрушение» – приказы летели один за другим, а следом – заряды, которыми эскадра уничтожала собственного собрата, не думая о судьбе экипажа, который еще мог быть жив. Куски обшивки, носовая часть, сорванные орудия – фрагменты крейсера с той же поспешностью отрывались от становящейся все более бесформенной громады.

Однако и планета не оставалась в стороне от процесса. Массивная, огромная, она с жадностью тянула к себе все, что оказывалось в ее гравитационном поле. И этому уже не мог никто помешать. Белесая дымка атмосферы принимала падающие куски и разогревала, заставляя вспыхивать огненными метеорами. Коричневый грунт, покрытый серыми пятнами растительности, раскрывал для них свои объятия, взметывался вверх пылевыми тучами и опадал каменным дождем.

– Район Рагнаир. Местность почти незаселенная. Ущерб будет минимальным, – отчитался офицер, отмечавший точками места падений на виртуальной карте.

– Эвакуация? Зачистка? – коротко поинтересовался адъютант, услужливо раскрыв перед командором матрицу для связи с наземными службами.

– Не вижу смысла, – поморщился Лейс, отталкивая полупрозрачное переплетение голографических линий. – Спасать некого. Нарушитель уничтожен... А кто в Рагнаире наместник? – спохватился, оборачиваясь к адъютанту.

– Дьер Шайхот, – немедленно откликнулся тот. Шевельнул остроконечными ушами, скользнувшими по покрытым короткими светлыми волосами вискам, и предупредил: – Один из сыновей правящей тетрады. Лучше его все же поставить в известность.

– Г-р-рашш-ш-ш, – зашипел командор. Резким движением дернул отворот белого мундира, ослабляя ткань. Тяжело дыша, прищурился, опираясь на консоль. Наконец, все же подтянул к себе матрицу, а когда перед ним возникло изображение хмурого темноволосого мужчины, мрачно взглянувшего на абонента, выпрямился, закладывая руки за спину и выпячивая грудь.

– Мы у тебя намусорили, – сообщил без предисловий. – Но ситуация требовала решительных действий, дагон Дьер...

* * *

Тишина и темнота. Жуткое сочетание, когда итог неизвестен. Что творится там, за прочными стенками капсулы? Родители сумели вывести диск из окружения и сбежать? Или погибли, и он, разрушенный, летит мертвой глыбой в безжизненном космическом пространстве?

Невольно всхлипнув, я скользнула пальцем по коммуникатору. Цветной индикатор вспыхнул и погас, чтобы напрасно не расходовать энергию. Однако этого хватило, чтобы понять – сижу я запертой двадцать минут.

Всего двадцать! Но они кажутся мне вечностью. И ведь ничего не происходит... Стоп.

Сила тяжести изменилась – я словно стала меньше весить, возникло ощущение невесомости. Не так уж сильно выраженное, приглушенное защитными механизмами, но отчетливое.

Очередная волна паники родилась в груди, скрутила живот, мелкой дрожью ушла в мышцы. Сердце суматошно заколотилось, заставляя дышать чаще и цепляться холодными потными ладонями за складки упругой стабилизационной массы – набухшей, вязкой, в которую меня неожиданно сильно вжало... и отпустило.

М-м-м... Что произошло?

Строить гипотез не стала. Изводить себя можно до бесконечности, но будет ли от этого лучше? Потому я просто лежала, пока не поняла, что пространства в капсуле стало больше. Покрытие сдулось, освобождая доступ к консоли, и я поднялась, чтобы до нее добраться.

Сработал механизм не сразу, может, заклинило его, а может, время на таймере не вышло. Однако, наконец, струя свежего воздуха рванула в щель

раскрывающейся обшивки, и я, растянув складки внутренней оболочки, высунула голову наружу.

Ой-ей...

Едва удержалась, чтобы не спрятаться обратно, потому что прямо перед моим носом раскачивалась гибкая коричневая ветка, покрытая мелкими серыми листьями, а на ней, глядя на меня огромными глазами, сидел... сидела... в общем, жуткое что-то сидело, темно-серое, тонколапое, пушистое, размером с ладонь.

Узрев меня, существо еще сильнее выпучило глаза, противно крякнуло, оттолкнулось, расправило необычные гофрированные крылья и рвануло в воздух. Подальше от потенциальной опасности в моем лице. Испугалось, видимо. А я так и не поняла, птица это была или насекомое. Впрочем, я же не биолог, мне простительно. Это моя мама могла с одного взгляда принадлежность любой тварюшки определить. Она-то в этом спец... Была...

Водная пелена размыла картинку. Я зажмурилась, чувствуя, как слезы покатались по щекам, но все же взяла себя в руки и, судорожно вдохнув, их размазала. Нельзя мне раскисать, не для того родители собой жертвовали, чтобы я, как клуша, сидела и редела. Тем более не факт, что я в безопасности!

Последняя мысль оказалась действенной: забыв о слезах, я полезла наружу, костеря куст, который закрывал собой путь. Веток старалась не касаться – может, они и безопасные, но лучше не рисковать, – потому пробиралась осторожно. Сползла с покрытой копотью обшивки, еще горячий, но, к счастью, уже не обжигающий. Перелезла через изуродованный оплавленный кусок неведь чего. Спрыгнула на рыхлую коричневую почву, оказавшись в яме, оставленной ударом. Чертыхаясь, выбралась вверх по осыпающемуся склону и лишь тогда позволила себе осмотреться.

И снова ой...

Планета, на которую мне «повезло» приземлиться, глаз не радовала. Небо – белесо-голубое, туманное, без облаков. Местность холмистая, с парой-тройкой гор на горизонте, местами пустынная, местами заросшая серолистными кустиками и толстоствольными деревьями с широкими кронами. Совсем

недалеко, за грядой валунов, поднимается вверх столб черного дыма – видимо, там горит что-то. А буквально в паре метров от меня еще один небольшой кратер, в котором наполовину зарылся в грунт кусок обшивки. В общем, не я одна сюда падала.

Я невольно обернулась. Капсула, ничуть не изменившая своей сферической формы, лежала в яме. Тот самый куст, через который я пробиралась, оказался уцелевшей частью кроны поваленного дерева – оно не так уж близко от места падения росло, корни цеплялись за самый край воронки. И такое растение тут было не одно, просто большинство остальных превратилось в щепки и древесный мусор. Удар был неслабым.

В растерянности я опустилась на землю. Села, ничуть не заботясь о чистоте комбинезона, потому как тот и без того уже испачкан в сажу. Непроизвольно зарылась пальцами в рыхлый грунт, напоминающий песок, набрала горсть и пересыпала из руки в руку.

Вот и что мне теперь делать? Да, я жива, но... Сколько я тут протяну без воды и пищи? Ладно хоть температура приемлемая, комфортная даже. Однако достаточно ли этого для выживания? Тем более помощь я вызвать не могу – для дальней связи мой коммуникатор не предназначен, а в пределах его действия банально некого звать. Мы одни летели, без страховки.

Но даже если найду способ себя обеспечить, что меня ждет? Какое будущее? Эта планета не обитаема, тут заправляют рарки, а от них ничего хорошего ждать не приходится, судя по тому... гм... приему, который они нам оказали. Ведь стрелять начали без предупреждения!

Перед глазами снова возникли подрагивающие звезды, какими они всегда становились, когда дискоид выныривал из временной ямы. Темные силуэты кораблей, которые оказались в той же точке пространства и времени, что и мы. И леденяще-синяя вспышка, озарившая нос ближайшего корабля и рванувшая к дискоиду – тот самый первый залп, который поразил меня до глубины души.

– За что?! – сорвалось тогда с моих губ возмущенное восклицание. – Мы же ничего им не сделали!

Искрящий разряд растекся по защитному экрану, который развернулся за долю секунды до удара.

– Видимо, сделали, раз они стрелять начали, – пробормотал папа, сосредотачиваясь на управлении. – И, скорее всего, счеты давние.

– А поговорить хотя бы для начала? Ситуацию прояснить? – растерялась я, не понимая, какие претензии могут быть у рарков к тем, кого они в глаза никогда не видели.

– Зачем, если выводы на наш счет у них однозначные? – буркнул отец и закрыл дискуссию: – Не отвлекай, дочка.

Выводы... И папа, и рарки что-то для себя решили относительно друг друга. А я? Я могу хоть какие-то предположения набросать? Могу. У меня ведь тоже есть информация.

Все, что я слышала о рарках, – характеризует их как очень неприятную расу. Неуживчивую, амбициозную и конфликтную до безумия. Так что, весьма вероятно, проявленный негатив лично к нам никакого отношения не имеет, и они просто уничтожают всех, кто оказывается на их территории. Оттого к ним в гости и в друзья никто и не рвется. Это мы... попали. То есть я попала.

И снова слезы размыли очертания окружающего мира. Да, хочется плакать. Нет, не так. Хочется волком завывать, лечь и исчезнуть, чтобы не думать, не помнить, не рвать душу...

Шмыгнула носом, стряхнула с ладоней пыль и вытерла тыльной стороной кисти глаза. Не время горевать. И не место. И вообще надо думать шире, а не хвататься за то, что лежит на поверхности!

Неуживчивые? Конфликтные? Два раза «ха»! Это не повод стрелять во всех без разбора! Наверняка есть еще что-то, иначе бы папа не сказал «давние счеты». И это «что-то» с высокой степенью вероятности может быть связано с тем необычным явлением, которое мы обнаружили.

И снова мысли мои ушли в прошлое, в деталях припоминая все, что в тот момент не казалось мне таким уж важным, а теперь...

– Я сделала, – торжествующе улыбаясь, протянула отцу накопитель и села в кресло напротив. Дожидаясь, когда он подключит флеш и развернет над столом экран, окинула взглядом кабинет – вроде привычный, однако в нем всегда можно было найти что-то новое.

Вот и сегодня на полочке, которую обычно занимала коробка с микросхемами, стояла широкая ваза с маленькими голубыми цветочками, обрамленными столь же крошечными веточками зелени. Ну а о том, кто именно мог вырастить для папы такую красоту, для открытого космоса, несомненно, экзотическую, можно было даже не спрашивать.

– Нравятся? Забери к себе, – заметив мое внимание, предложил отец. – Мама не обидится.

– Нет, что ты! – замахала я руками. – Они, конечно, изумительные, но ты же знаешь, что я больше люблю...

– Технику, – опережая меня, кивнул папа, разворачивая на экране карты, которые я составила по его просьбе. – Так, посмотрим.

Между нами сформировался виртуальный куб, заполненный яркими точками-звездами. Несколько минут я следила, как уверенно руки отца совмещают с ними сделанные мной плоскостные изображения и постепенно рождается единая картина.

– Любопытно... – рассматривая ее, сощурились серые глаза. Папа откинулся на спинку кресла, потирая рукой подбородок.

– Что? – заинтересовалась я, едва ли не носом утыкаясь в границы изображения, а в ответ получила веселый смех:

– Ты не вблизи смотри, издали лучше видно.

Издали так издали. Я послушно отодвинулась. Оценила размер временных деформаций, похожих на рельефные воронки, зависшие между звездами, ухватила за их подозрительную регулярность, обнаружила явную тенденцию к угасанию и снижению временных промежутков...

– Ничего не напоминает? – подтолкнул меня папа.

– Круги на воде, – высказала я предположение. – Чем дальше, тем «яма» больше диаметром, но менее глубокая. Получаются прерывистые волны, которые расходятся по нарастающей от исходной точки. Действительно интересно, – поняла, наконец, реакцию родителя, – мы же думали, что такие деформации явление спонтанное и между ними связи нет, а выходит наоборот?

– Выходит, так. А точка... – рука отца потянулась к виртуальной панели, увеличила изображение и коснулась звезды, которая визуальнo попадала в центр, свободный от временных искажений. – Звезда Лидвот, – прочитал он пояснение, появившееся на боковой панели экрана.

– И чем же эта звезда такая особенная?

– Вроде как ничем. Обычная звезда спектрального класса G. Таких в галактике миллиарды, и временных провалов около них не наблюдается.

– Но ведь эта система обитаема, – встрепенулась я, углядев рядом с названием звезды значок заселенности. – Кто нам мешает полететь к местным жителям и спросить напрямую? Мол, так и так, тут у вас вот такие непонятные штуки. Может, они сами их изучают.

– Там живут рарки, – вздохнул отец, – С ними трудно налаживать контакт. Задаешь, казалось бы, нейтральный вопрос, а они его воспринимают как претензию и прямое обвинение. В указаниях совета по контактам с внеземными расами рекомендовано к ним не соваться. Так что просто продолжим изучение. У нас еще один сектор остался незакрытым. Видишь, вот здесь. – Палец обвел область девственно чистого космического пространства, действительно смазывающего цельную картину. – Вдруг зависимость не совсем кольцевая, а, например, эллиптическая. Или параболическая. Есть же варианты. Тогда и рарки ни при чем окажутся.

– Ну да... – согласилась я, прикидывая, насколько должно быть сильным напряжение сингулярности, чтобы временной дефект существовал в пространстве так долго. В тот момент меня куда больше интересовала природа необычного явления, нежели те, кто невольно оказался в его эпицентре.

Невольно?

Нехорошее предчувствие, в общем-то ни на чем конкретном не основанное, заставило ахнуть и ужаснуться собственной несообразительности.

А вдруг эти временные ямы имеют искусственное происхождение? Вдруг рарки нашли способ исказить течение времени в локальных точках пространства! И все эти ямы – их рук дело! Тогда понятно, почему они нас обстреляли – не хотели, чтобы об их открытии узнал кто-то еще. И это они каким-то неведомым способом накачивали энергию, чтобы ямы не схлопнулись!

Хлоп!

Я вздрогнула, испуганно оглядываясь. Вот и реальность о себе напомнила, заставляя отвлечься от воспоминаний и предположений.

К счастью, ничем страшным звук не оказался – просто летучая тварюшка вернулась. С хлопком, как оказалось, у нее крылья складываются, а вместо веток поваленного дерева на этот раз в качестве посадочной площадки выбрала она прогалину между невысокими кустарничками. Покосилась на меня, изумленно выпучив глаза, и принялась склевывать маленькие черные ягодки.

Я же заметку сделала – возможно, они и для меня съедобные. Правда, проверять совсем не хочется, но, если выбора не останется, и на это решусь. Мне же есть совсем нечего, так какая разница от чего умирать: от отравления или голода?

А вот воду добыть можно. В стабикапсуле несколько блоков работают на водородном топливе, а его получают из воды фотолизом. Так что...

Так что я поднялась, осторожно сползла обратно в воронку, добралась до технологического люка, едва заметного на гладкой, пусть и покрытой копотью

поверхности. В коммуникаторе отыскала электронный ключ – сама же прошивки к капсуле делала. Через несколько секунд уже закачивала обратно в бак драгоценную влагу, ушедшую из топливной системы. Отсоединила канистру, поболтала, прикидывая, на сколько же мне ее хватит.

Два литра. Значит, пару суток продержусь. Если буду экономить, то неделю. М-да, негусто... И все же это лучше, чем ничего.

Осталось хоть какую-то жизненную стратегию выработать. Решить, куда идти – ведь просто сидеть и ждать, когда меня найдут, точно не вариант. Не факт, что найдут до того, как я умру с голоду, – это раз. А если найдут и поймут, кто я такая, то или убьют, или заточат где-нибудь навечно – это два. Мне же жить хочется. И вернуться домой тоже.

Да, Лидвот от Солнечной системы в трех тысячах парсек, это невообразимо далеко, но ведь ракеты в космос летают! И двигатели у них, пусть менее мощные, уступают земным в скоростях, но мне этого хватит. Главное – найти такой корабль. И угнать! А уж как именно на нем лететь, разберусь. Я все же техник.

Аккуратно закупорила канистру и положила на рыхлый грунт. На всякий случай залезла снова внутрь капсулы. Пусть она и не предназначена для длительного пребывания, потому в ней нет неприкосновенного запаса, но, возможно, мама успела положить внутрь хоть что-то. Пару упаковок пищевого концентрата. Или оружие какое.

Я знала, что это маловероятно. Спешка. Отсутствие в лаборатории еды. Да и оружие хранилось в сейфе – мы же не на войну летели, у нас исследовательская миссия была. Но неистребимое «а вдруг!» не давало покоя.

Увы, сколько бы я ни перебирала мягкие складки, подсвечивая для верности фонариком коммуникатора, ничего не нашла. Зато поняла, что снова плохо вижу из-за новой порции слез – паника и отчаяние накатили с новой силой, словно не я пять минут назад убедила себя в бессмысленности душевных терзаний.

Я поспешила обратно. Меня не учили быть сильной, не готовили к выживанию в экстремальных условиях, но все же я не настолько глупа, чтобы не найти правильной стратегии самостоятельно.

Итак. Первое. Никто не должен предположить, что на планету проник нелегал. Значит, капсулу придется уничтожить – она внутри целехонькая, сразу наводит на подозрения.

Таймер на отсрочку, канистру в руки, лихорадочный подъем вверх по склону, десяток шагов в сторону для безопасности, пара минут ожидания...

Яростное шипение и искры, родившиеся в технологическом отсеке, быстро сменились гулом и белесым дымом, повалившим из люка самой капсулы. А потом и огонь с треском вырвался наружу, напугав насторожившееся птиценасекомое, которое потрясенно крякнуло и вспорхнуло, тяжело отлетая подальше от беспокойного места кормежки.

Проследив за ее полетом, я снова вернулась взглядом к обгоревшим останкам, которые больше не выдавали моего присутствия. С этим всё.

Второе. Нужен запас потенциальной еды. Может, ягодки и ядовиты, но вдруг я даже такого пропитания больше нигде не найду? Ведь не просто так «птичка» настойчиво сюда рвется. Вон опять вернулась и устроилась на краю делянки. А потому...

Расстегнуть верх комбинезона, снять футболку, снова надеть курточку. Завязать узлом низ, соорудив мешок с рукавами-ручками, – удобно нести будет. В него ягод набрать: плотных, сладко-пахучих, чем-то напоминающих чернику.

Наверное, мне повезло, что я пока не голодна. Мы ведь из деформации выходить начали, едва я пообедать успела. Я прямо из столовой к отцу в рубку побежала, а спустя час, когда искажение окончательно сошло на нет, стало понятно, что мы в этой точке пространства-времени не одни.

Вздохнула, поднимаясь с колен, когда ягод набралось достаточно. Осмотрела белесое небо и открытое пространство, где по-прежнему не наблюдалось никакого движения. Тут я точно одна. А это значит, мои шансы на выживание сомнительны.

И потому третье. Самое проблемное. Карт местности у меня нет, но решить, куда идти, надо. Мне добраться до какого-нибудь поселения нужно, дальше уже действовать по обстоятельствам.

Долго я не раздумывала, побрела в сторону самого высокого холма. Если с него обзор будет недостаточный, придется к горе пробираться через заросли растений, которые там кажутся гуще, и на самый верх взбираться, в надежде оттуда хоть что-нибудь заметить.

– Пока, птичка, – пройдя пяток метров, все же обернулась, не удержалась, очень уж любопытно было.

Животное сидело на песке, нахохлившись, сердито сверкая глазами и жутковато перебирая в воздухе тонкими лапками. Слово ткало невидимую паутину проклятий, в отместку расхитительнице личных угодий.

Чушь, конечно. Это нормально, что мозг, не имея готового решения, старается снять с себя груз неизвестности, радостно принимая невероятные объяснения. Но я все же ученый, прагматик, не верю в мистику, магию и прочие ненаучные штучки. Так что, помахав местному обитателю рукой, удобнее перехватила канистру, поправила «ручки» импровизированной сумки, которую надела на плечо, и сосредоточилась на маршруте.

Идти по плотной почве оказалось легко. Мои полуботиночки, предназначенные для перемещения по кораблю, пусть и не походные, но легкие, мягкие, с упругой нескользящей подошвой, ног от длительной ходьбы не натирали, и чувствовала я себя в них комфортно. Одежда тоже не доставляла проблем – она и от перегрева защищала, и от ветра, который становился все сильнее, по мере того как я медленно приближалась к пологому холму.

Почва под ногами постепенно превратилась в песок. Песок сменился мелким гравием, затем крупным каменным крошевом, а на ровной как стол вершине мне пришлось прыгать по крупным валунам, между которыми было немало глубоких расщелин. С учетом порывистого ветра, надвигающихся сумерек и моей ноши, занятие казалось не самым безопасным. И все же я с настырным упорством сосредоточилась на цели – самом крупном валуне, возвышающемся над остальными и похожем на обелиск. А когда забралась и осмотрелась...

Н-да... Перспектива мне открылась не радостная. Насколько хватало глаз, в три стороны вдаль простиралась все та же холмистая местность, где не было никаких намеков на постройки. С четвертой стороны пейзаж становился разнообразнее – поднятия сближались и заканчивались внушительным горным

хребтом, который я, из-за удаленности и неудачного ракурса места посадки, приняла за несколько небольших гор. В общем, идти туда бессмысленно. Обратно не выберусь.

Сползла с камня, выбрала подветренную сторону и разместилась на отдых. Какой бы удобной ни была обувь, а я все равно устала. Ведь почти шесть часов шла без остановок – короткие, глотнуть воды, не в счет. Да и стемнело быстро.

Последнее выглядело странно, ведь местное солнце в белесо-голубом туманном небе так и не появилось. Я не сразу разобралась, что светится сама атмосферная дымка, и потому, когда постепенно она растаяла, наступила ночь, погрузившая окружающий мир в непроницаемый мрак. Даже появившиеся над головой звезды его не смягчали. Видимость оказалась нулевой, как и моя надежда увидеть огни поселений.

Сколько времени это продлится, я не знала, но продолжать путь с риском провалиться в расщелины было опасно. Оставалось ждать. Вскатываться в непривычный рисунок неведомых созвездий и гадать, виден ли тот кусочек космического пространства, где необозримо далеко находится Солнце. Эх, жаль, я не навигатор...

Впрочем, не о чем жалеть. Даже специалист, не имея звездных карт, вряд ли решил бы эту задачу, разве что предположение сделал, с высоким процентом ошибки. Не по силам человеку все запомнить, для того и существует техническая поддержка. А у меня ее нет. Коммуникатор не в счет, по сути, это всего лишь идентификатор, средство связи и органайзер с ограниченным объемом памяти.

Вспомнив о последнем, развернула маленький экран и настроила на экономный режим. Спать не хотелось, а занять себя хоть чем-то нужно. Вот и начала перебирать сохранившиеся записи: напоминания, комментарии, заметки...

«С днем рождения, подружка! Поздравления прими, отмечая двадцать три. Но не стоит забывать, что формально – тридцать пять!

Твоя Ви. 4 ноября 2147 года».

Электронная открытка заиграла радужными переливами, окатила меня приятным перезвоном и рассыпалась цветными искрами. Я ее сохранила, потому что она была последней, полученной от моей названной сестры.

Ви рано потеряла родителей, ей едва годик исполнился, и мы стали для нее приемной семьей. Мне тогда было четыре года, но я, как сейчас, помню зареванную синеглазую малышку, с которой потом играла, училась, ссорилась, мирилась, проказничала. У нас оказалось много общего, и самое главное – увлеченность техникой. Виола, хоть и младше меня, но сумела убедить моих родителей забрать нас из высшей школы в ее почти тринадцать – мои едва шестнадцать, а не в положенные двадцать. Именно благодаря ей мы доучивались дистанционно и проходили учебную практику на корабле моего отца, помогая ему исследовать структуру подпространственных туннелей. И из-за нее попали в первую временную деформацию, которая выбросила нас в другой точке пространства через... два года, в то время как для нас прошел всего месяц! А потом были и другие «ямы», «съевшие» в общей сложности около двенадцати лет, которых мы не заметили. Вот и получается, что и у меня, и у Ви, и у моих родителей официальный возраст не совпадает с биологическим.

Наверное, мы бы и дальше путешествовали вместе, но отец категорически отказался брать ее в очередной полет. Виола осталась на Земле, а мы... Мы еще четыре года провели в космосе. То есть год. Остальные три незаметно исчезли из нашей жизни, принесенные в жертву науке – нашим попыткам на собственной шкуре проверить места расположения временных ям.

«17 марта 2128 года – появились искажения привычных показателей, измеряемых в ходе полета: нестандартно меняется блеск переменных, наблюдается ускорение смещения навигационных светил, нехарактерное для наших скоростей.

19 апреля 2128 года – явления, наблюдаемые в течение месяца, исчезли. Показатели пришли в норму.

20 апреля 2128 года – установлен канал связи с Землей для передачи информации. После автоматической синхронизации с земным временем, выяснилось: сегодня 28 мая 2130 года».

Вот она – первая временная яма. Мы из нее благополучно выбрались, сами того не подозревая.

В Институте Космоса, который принял наше сообщение, едва с ума не сошли. Потребовали всех мыслимых и немыслимых отчетов, данных, координат... Едва не заставили нас вернуться на Землю, но папа все же настоял на продолжении полета, пообещав провести полноценное исследование.

В общем, на родную планету я попала, став уже совсем взрослой. И поняла, что с Землей меня мало что связывает. Дом, в котором я проводила совсем мало времени, потому что во время учебы жила в школьном пансионе, казался чужим. Друзья теперь не были моими ровесниками и давно устроили свою жизнь – мне в ней не было места. Новых серьезных знакомств завести как-то не получилось, хотя я и попыталась.

«31 декабря 2147 года.

Медея, надеюсь на встречу на новогоднем маскараде.

Пират Флинт (с попугаем)».

Я грустно улыбнулась, скользнув пальцем по появившейся голографии улыбчивого парня в смешной шляпе-треуголке, с виртуальной птицей на плече и в идеально пошитом новеньком наряде, который вряд ли могли носить флибустьеры прошлого.

Мое первое приглашение на свидание... Разве я могла его удалить? Ну и пусть закончилось все ничем – кавалера, которого на самом деле звали вовсе и не Флинт, а Георгий, хватило лишь на две недели ухаживаний, даже до поцелуев дело не дошло. Но все равно приятные воспоминания остались.

А вот последующие «любовные послания» я не сохраняла: не нашлось никого, кто заставил бы меня потерять голову. Мне достаточно было пары-тройки встреч, чтобы понять – ничего общего у нас нет. Мама сокрушалась из-за моей привередливости, а папа добродушно усмехался и говорил, что некуда торопиться, все еще впереди...

Почувствовав накатившее раздражение, я погасила экран.

Нет никакого «впереди». Шансы, что экстремальный квест на выживание закончится на Земле, стремятся к нулю. Значит, не будет у меня прогулок под луной, томных вздохов, страстных поцелуев и счастливой семейной жизни.

Поежилась, потому что ставший прохладным ночной ветер начал менять направление и задувать сбоку. Подвинулась, чтобы снова казаться под защитой валуна, привалилась к нему и закрыла глаза.

Наверное, даже задремала, потому что, когда открыла, от ставшего уже привычным резкого хлопка, вокруг было светло. Не солнечно, не ярко, примерно как туманным утром до восхода Солнца.

– Привет, птичка, – поприветствовала усевшееся на соседний камень настырное создание.

В ответ получила приоткрывшийся рот, судорожный взмах передних лапок и пристальный взгляд огромных черно-зеркальных глаз, в отражении которых я даже себя видела.

Со стоном потянулась, только теперь сообразив, что ночь на жесткой поверхности для моего организма даром не прошла. Поднялась, подхватила «мешок» и канистру. Посмотрела на нахохлившуюся птицу-насекомое и вытащила несколько ягод.

– Ешь, – вздохнула, оставляя угощение на плоской поверхности камня.

Еще раз осмотрелась, проверяя, не появилось ли чего нового, и начала спускаться. Направление я выбрала единственно возможное – в обход горного массива. Идти по холмистому плато бессмысленно, заблудиться и потеряться там легче легкого. А горы – хоть какой-то точный ориентир.

Вот только толку от этого «ориентира»... Я упрямо шла, делая лишь небольшие остановки и стойко не обращая внимания на голодное недовольное бурчание желудка, а вздымающиеся вверх пики, уходящие в туманное небо по левую руку от меня, так и не сменились на что-то новое. Как и холмистая местность справа.

Растительность на ней то совсем исчезала, то становилась гуще. Иногда мне приходилось продираться через плотные заросли какого-то кустарника, обходить густые сплетения ветвей низкорослых деревьев. А вот тех самых ягод, что набрала в запас, я больше так и не встретила.

Еще одну ночь я провела, свернув к горам и забравшись повыше. Оставаться в низине не хотелось, да и с надеждой увидеть хоть что-то с высоты я не расставалась, пусть даже каждый раз, осматриваясь, видела лишь темнеющую даль. А утром... Утром поняла, что идти дальше не в состоянии. Ноги казались огромными и тяжелыми, мышцы слабыми, во рту пересохло, веки я едва смогла поднять. Воды в канистре осталось пару глотков, но даже после них хотелось лишь лечь обратно на камни и умереть.

И я решилась. Забралась рукой в «мешок», достала горсть ягод и отправила в рот. Нет смысла оттягивать неизбежное, если оно все равно меня ждет. Как и нет смысла доводить себя до полного истощения в случае съедобности инопланетного продукта.

Ягоды оказались на вкус приятными. Сладкими, с легкой, едва ощутимой кислинкой. Внутри не сочными, а, скорее, желеобразными, с похрустывающими на зубах семенами. В общем, вкусными. Что, впрочем, ядовитости вовсе не исключало. Как и привлекательности для моей спутницы, которая, снова громко хлопнув крыльями, приземлилась напротив и уверенной вальяжной походкой направилась ко мне.

– Кажется, теперь ты от меня не отстанешь, – невесело засмеялась я, поднялась и снова опустилась на камни, почувствовав нарастающее головокружение.

Рот наполнился слюной, к горлу подкатила тошнота. Рвоты не было, но сознание подернулось той самой дымкой, что заполняла атмосферу. Я, словно в дурмане, видела, как моя рука, по-прежнему сжимающая ягоды, упала на землю. Пальцы раскрылись, черные горошинки покатались, на радость «птичке», тут же устремившейся к желанной добыче.

Я, едва дыша, наблюдала, как она их неторопливо заглатывает, смакуя каждую и поглядывая на меня с таким выражением, будто точно знает, насколько я беспомощна. И в этот момент короткие покряхтывания, с которыми существо глотало, точно сопровождалось бурчанием:

Жадина... Оставила бы ягоды и шла себе дальше... Так нет же, спрятала... Разлеглась... Так, я все съела?

Она огляделась, присела, заглядывая под камень и убеждаясь, что туда ничего не закатилось. Шумно вздохнула и вспорхнула. А я задохнулась, потому что в этот момент какая-то неведомая сила оторвала меня от земли и дернула следом за летящим существом. То есть одновременно с ним. Или же вообще в нем?! Я словно чужими глазами увидела стремительно удаляющиеся камни, себя, лежащую на них, и горы, ставшие стеной на пути.

Разворот. Крен, видимо вызванный потоком воздуха. Холмистая даль, затянутая белесой дымкой. Плавное скольжение над возвышенностями. Тщательное изучение того, что стремительно проносится подо мной, – песка, травы, зарослей. И новая порция ворчания:

Пусто, пусто... Вчера точно здесь было... Кто сожрал? Я ж здесь одна на всю территорию... Может, опять ушастые воры нагрянули? Ходят тут, ходят, мало им своих угодий.

Набор высоты, и горизонт еще сильнее отодвинулся. Открылись новые просторы: мутно-коричневая даль за границей последнего холма, обрыв, а внизу под ним, в обрамлении серой растительности... дома.

Поселение! Невысокие постройки, то ли покрашенные в белый цвет, то ли построенные из белого материала. По форме они напоминали кубики с угловатыми крышами, собранными из стволов выбеленных деревьев. Впрочем, мне, сверху, эти бревна казались соломой, а сами домики – коробками, между которыми петляла желтая дорога, а по ней шли люди. Нет. Рарки. Насколько они похожи на людей, я осознала, лишь когда моя «носительница» опустилась на одну из крыш и деловито осмотрелась.

Рядом с домом обнаружилась небольшая площадка, вымощенная камнем. На ней, вернее, на расстеленной серой ткани неторопливо раскладывала черные ягоды молодая темноволосая девушка с кудрявыми волосами, собранными в низкий хвост. Лица я не видела, но фигура была совершенно человеческая, одетая в темно-коричневую длинную юбку и белую блузку с короткими рукавами.

Кажется, девушка даже напевала что-то, но я слов не разбирала из-за новой порции ворчания:

Так и знала. Ворье на ворье... Настоящее бедствие... Можно подумать, им жрать нечего... А если и нечего, я тут при чем? Что я есть-то буду?

– Кыш! Кыш отсюда! Уходи! – спохватилась девушка, заметив гостью. Взмахнула рукой, прогоняя, а потом, видимо посчитав это недостаточным, сдернула со стены еще один кусок ткани и замахала им, чтобы устрашающий маневр выглядел внушительнее.

Толчок, и снова полет. На этот раз прочь от поселения, вдоль обрыва, вверх, снова вниз.

Нахалка. Эгоистка... Та, пришедшая, лучше. Завтра снова ее найду, пусть кормит...

Слушая ее, я удивлялась. Полету, в который меня отправили местные ягодки. Складности мыслей на первый взгляд неразумного существа. Внятности слов и отсутствию языкового барьера. Наконец, тому, что лицо девушки, радеющей за сохранность своего труда, выглядело совершенно обычным. Человеческим. В нем не было ни намека на что-то чужеродное.

Может, все это нереально и у меня банальные галлюцинации? Бред голодающего, помноженный на наркотическое действие плодов инопланетных растений?

Сделать с этим я ничего не могла и оставалась пассивным наблюдателем до тех пор, пока... Пока картинка вдруг не стала дергаться, неожиданно меняясь, словно лишившаяся целостности голопленка.

Поляна – гора. Кустики – камни. Серый лист – туманное белесое небо, ставшее совсем светлым.

Последнее задержалось перед глазами надолго. Настолько, что я поморгала, пытаюсь его прогнать, и от неожиданности ощущения своего тела, о котором совершенно забыла, дернулась и села.

Голова больше не кружилась, не тошнило, чувство голода притупилось. Не исчезло, но стало менее явным. Да и я себя ощущала уже не такой уставшей. Возможно, питательных веществ в ягодах оказалось достаточно, а, возможно, сил мне придало понимание – цель, к которой я стремилась, не так уж далеко. Просто находится ниже уровня видимости.

Тянуть я не стала. Поднялась, бросив пустую канистру в расщелину между камнями. Забросила на плечи импровизированный мешок, в котором еще оставалось немного ягод. Припомнила картинку, которая привиделась моему внутреннему взору. И направилась перпендикулярно своему прежнему маршруту. Эх, надеюсь, я не заплутаю и поселение на самом деле существует...

Сомнения у меня оставались, очень уж мистическим был эффект моего завтрака. Но я все равно предпочла ему довериться, ведь нет у меня альтернативы. К тому же я прекрасно помнила папины слова: «Не проверишь – не узнаешь...»

Проверять пришлось долго – к обрыву я вышла, уже когда начало темнеть. Зато какое облегчение почувствовала, увидев огни! Вернее, светящуюся дымку, которая словно сползлась к домам и окутала их почти дневным светом.

Удивительное явление. Не менее интригующее, чем ягоды, связывающие сознания тех, кто совместно их дегустировал. Интересно, сколько еще сюрпризов преподнесет... Хм. Я ведь даже не знаю, как планета называется.

Зато теперь появился шанс это выяснить. Только для начала нужно вниз спуститься, не привлекая к себе внимания.

К счастью, сумерки еще не лишили меня возможности осмотреться в поисках тропинки, по которой рарки поднимались на плато, – не зря же «птичка» возмущалась. Да и ягоды они только здесь могли собрать. Наверное, поэтому дорога сыскалась быстро: метрах в двухстах левее места, где я подползла к обрыву, откос был не таким крутым. И на нем отчетливо просматривалась светлая полоса, похожая на серпантин.

При всем моем желании побыстрее оказаться внизу, я все же не торопилась, дождалась, когда темнота начнет поглощать окружающий мир. Лишь после этого начался утомительный спуск.

Шаг. Второй. Держать равновесие. Следить за тем, чтобы подошвы плотно вставали на плотный песок, норовящий сползти под действием силы тяжести. Дышать равномерно. Внимательно смотреть под ноги. Не пропустить поворот. Присесть, передохнуть. Новый виток...

Я потеряла счет времени, забыла о мыслях, ощущениях, обо всем, что могло отвлечь и лишит меня жизни, когда цель так близка! Ступив на траву, растущую внизу, вздохнула с облегчением, едва ли не бегом бросаясь к светлому пятну, окружающему постройке.

Добралась!

Радостная эйфория все же не до такой степени завладела мной, чтобы напрочь лишит осторожности. Бежала я отнюдь не на открытое пространство, где меня могли заметить, а в обход крайнего дома, чтобы спрятаться в его тени и растущих рядом кустах. Я ведь понимала – нельзя свое присутствие афишировать. По крайней мере, до тех пор, пока не станет ясно, как действовать дальше.

Маскируясь среди веточек, дождалась, когда стихнет неразборчивый гомон, доносившийся до меня гулом и выкриками. Подобралась ближе к дому и, прильнув к горизонтальной щели, выполняющей функции окна, с любопытством принялась рассматривать внутреннее убранство дома.

Внутри, как и снаружи, все было лаконично, просто и без излишеств. Светлые бледно-зеленые стены со штрихами более темных тонов. Полки с какой-то утварью – не то посуда, не то инструменты. Лестница, ведущая на второй этаж, – с глубокими ступенями, но узкая сама по себе. Покрытый желтой скатертью стол, за которым вполоборота ко мне сидит пожилой мужчина и, набирая ложкой из тарелки, задумчиво вкушает нечто густое, оранжевое...

Провокационного зрелища мой желудок не вынес. Жалобно застонал, забурчал, напоминая о насущных потребностях. Однако я его порыв не одобрила. Да, я почти уверена, что пища будет для меня съедобна, но вот как ее незаметно добыть?

Сглотнув слюну, продолжила смотреть, подмечая детали.

Мужчина русоволосый, с сединой на коротко остриженных висках, однако сзади сплетена тонкая косичка. Рубашка на нем простого кроя, объемная, с широкими рукавами. Штаны не менее бесформенные, темные. Лицо морщинистое, уставшее, осунувшееся, глаза полуприкрыты веками. Он даже жует, едва-едва двигая челюстями, то и дело опуская и вздергивая голову. Засыпает, видимо.

В один прекрасный момент его голова настолько сильно склонилась, что он завалился вбок и уронил ложку, испачкав скатерть. Мне не слышно, но несомненно выругался, тяжело поднялся, посмотрел на стол, вяло махнул рукой и направился к лестнице. Я же, приоткрыв от удивления рот, следила вовсе не за грузной походкой и не за тем, как пригибаются под его весом ступени, мои глаза не могли оторваться от... ушей. Они у него были заостренные!

Так вот, почему местное птиценасекомое назвало их «ушастыми»! У девушки я из-за объемных, кудрявых волос этого не заметила.

Наконец ступни, обутые в массивную обувь, исчезли из видимости. Свет погас и, кажется, даже вокруг меня стало темнее – дымка тускнела на глазах.

Почувствовав неприятный холодок, пробежавший по спине, я обернулась, всматриваясь в ночной мрак. Ничего не заметила, но воображение услужливо нарисовало инопланетных чудищ, готовых накинуться и сожрать неосторожную землянку.

Отступила, скользнула по стене рукой и заглянула за угол. Никого не обнаружив, продолжила идти вдоль дома, неосознанно прижимаясь к нему. Наверное, именно поэтому нащупала внешне ничем не привлекающую внимание, но приоткрывшуюся даже от легкого нажима дверь.

Приглашением я пренебрегать не стала. Раз дом не запирается, почему бы этим не воспользоваться? Тем более я похищать ничего не буду. Только ложку каши съем. Две. Четыре. Ладно, всю съем. Надеюсь, хозяин утром не вспомнит, что он не проявил такого завидного аппетита. Как и не обратит внимания, что воды в кувшине, стоявшем на столе у окна, тоже стало меньше.

Насытившись, я себя совсем иначе ощущать начала. Увереннее, спокойнее, оптимистичнее. Хотя и понимала – решение временное. Это сегодня мне повезло, а дальше? Где гарантия, что снова получится добыть еду? В общем,

надо что-то придумать.

Надо. Вот только мозг, ошалевший от ударной дозы питательных веществ, мыслить в правильном направлении отказывался напрочь. Чувство сытости расслабляло. Не стой я сейчас на ногах, точно бы задремала, как хозяйин дома. Хотелось сесть, а еще лучше лечь. Желательно на что-то мягкое. И уснуть, само собой.

Наверное, это мое счастье, что в комнате ничего похожего не наблюдалось, – подсветки в коммуникаторе хватало, чтобы в этом убедиться. Посмотрев вверх, где скрылся рарк, я решила не рисковать и поискать убежище вне дома.

Вышла на улицу и вновь оказалась под прицелом хищных глаз, следящих за мной из подступающей вплотную к домам темноты. Мнимых наверняка, но от этого не менее страшных. Да еще и звуки какие-то непривычные начали раздаваться: чавкающие, шумные, вздыхающие... Именно поэтому на полноценную разведку у меня духу не хватило. Я лишь обошла дом по периметру, выяснила, что рядом с ним имеется пристройка – трехуровневый навес, с приставленной к нему лестницей, и забралась как можно выше. Потопталась по сухой траве, накиданной толстым, неровным слоем на дощатом полу, убедилась, что я здесь одна, пробралась к самому большому вороху, упала в мягкие объятия умопомрачительно пахнущего сена и...

Уснула моментально, потому что, когда открыла глаза, было уже совсем светло. А еще уютно, приятно и расслабляюще спокойно. Надо мной в легком светящемся тумане мельтешили пылинки. Свежий воздух овеивал, свободно проникая сквозь опоры конструкции, лишенной одной стены. Тихие звуки, похожие на курлыканье и мурчание одновременно, доносились откуда-то снизу.

Гряк!

Где-то за моей головой раздался резкий хлопок. Громкий, знакомый, но от этого не менее неожиданный. Такой, что я мгновенно подпрыгнула, разворачиваясь, и лишь затем сообразила, кто его издал.

– Фу ты... – запнулась, не решаясь оскорбить несомненно умеющую мыслить тварюшку. – Напугала меня!

Сидящая на толстом бревне «птичка» перебирала в воздухе волосатыми тонкими лапками и привычно широко раскрыла глаза. Заворчала, спрыгнула на сено рядом с моим мешком-футболкой и нагло сунула морду внутрь.

– Э, нет! Так не пойдет! – возмутилась я, подтаскивая мешок к себе.

Увидев, как в мягком клюве исчезает черная горошинка, поняла – хитрая бестия все же изловчилась добраться до возжеленного лакомства. Потому и я, недолго думая, вытащила ягоду и отправила в рот. Раз уж все так складывается, попробую повторить эксперимент.

Приготовилась было к новой порции тошноты, к перемещению сознания в тело странного животного... Не тут-то было. Ничего подобного не произошло. Чувствовала я себя прекрасно, а «птичка» как сидела напротив меня, так и продолжила сидеть, возмущенно сверкая глазами. И ворчать:

– Что, успела от них заразиться жадностью? Несчастливая ночь прошла, а тебя не узнать. Что дальше будет? Орать на меня начнешь? Гнать куда подальше? Воровать мою мудриссу... А что с тобой говорить-то? Уже ведь своровала. Пошел процесс.

Она вздохнула и отвернулась. Я же изумленно молчала. Как-то не привыкла я к тому, что животные разговаривают. Да еще и такие обвинения предъявляют.

– Гм... – наконец взяла себя в руки. – Простите, я не знаю вашего имени...

– Вага, – с готовностью обернулась «птичка». Чернильно-зеркальная поверхность глаз сверкнула заинтересованностью. – Прогонять не будешь?

– Не буду, – подтвердила я, смиряясь с ненормальностью местного мира. – Мне бы только кое в чем разобраться.

– В чем именно? – Вага смешно перебрала нижней парой конечностей, подбираясь ко мне ближе.

– Почему я вас понимаю? И речь слышу.

– Ты дура? – бесцеремонно поинтересовалась собеседница и сама себе ответила: – Нет, бывает, конечно, но не до такой же степени... Может, просто головой ударилась, когда падала?

– Да, ударилась. И все забыла. Даже, кто я и где живу, не помню, – с готовностью подтвердила я ее версию, дополнив подробностями.

– Кто ж тебя так бросил-то? – вздохнула Вага сочувственно. – Бедный детеныш... Ведь детеныш, да?

В голосе появились такие явные требовательные интонации, словно, окажись я взрослой особью, помогать мне «птичка» бы не стала. Оттого я интенсивно и закивала, вновь соглашаясь с ее предположением.

– Вот я сразу так подумала, – похвалила себя Вага. – Тогда... – она шагнула еще ближе, покосилась на мешок, который я держала в руках, и приказала: – Мудриссу дай.

– Зачем? – насторожилась я, крепче сжимая горловину.

– Ты узнать забытое хочешь или нет? – возмутилось птиценасекомое. – Семечки сейчас переварятся, и все. Кувульдур нашему общению. Так что давай, поторапливайся, корми меня. И сама ешь.

Семечки? Хм... Любопытно. То есть не в мякоти ягод дело, а в зародышах растений? Они – своеобразные передатчики? Как-то между собой связаны, и потому все те, кто их проглотил, оказываются на одной волне сознания в радиусе и зоне взаимодействия семян? А когда зародыши погибают, связь рвется? Ну дела...

– Так-то лучше, – похвалила меня Вага, смакуя очередную ягоду. Приподнялась, чуть распустив крылья, заглянула мне в рот и посоветовала: – Ты их не жуй, дольше проживут. И ума прибавят, раз уж у тебя его немного. Я вот всю жизнь ими питаюсь, и, видишь, какая умная. Не чета всякому ушастому ворью. Сколько мудриссы у меня перетаскали, давно уже поумнеть должны были, а они все равно глупые. Спросишь почему? А я тебе скажу. Потому, что не едят они мудриссу. И своих питомцев не кормят. И даже не проращивают. Сушат и в баночки прячут. Думаю я, эти изверги извести хотят бедные растения, чтобы я

снова глупой бессловесной тварью стала... Ну что там? Все? Закончились? – сменила тему, поняв, что ягоды из мешка больше не появляются.

– Все, – солгала я, предчувствуя подвох.

– Ну тогда прощай, – деловито расправила крылья Вага. – А то я твоими подачками только аппетит раздражила.

– Эй! – опешила я и даже остановить ее попыталась, да только поздно. Выпорхнула «птичка» из сарая быстрее, чем моя рука дотянулась до пушистого тельца.

И ведь вот что удивительно: хоть и была Вага уже далеко, а я все равно какое-то время еще слышала постепенно становящийся все тише, но несомненно тот же самый хитрый голос:

Эх ты, горе безмозглое... Надо же, не вспомнила ничего. Даже мудрисса не помогла. Так и быть, дам совет, а то ведь реально пропадешь. Никому не доверяй. А то используют тебя и пустят в расход. Повторно, судя по тому, что с тобой уже произошло. М-да, вот есть же существа, которых собственные ошибки ничему не учат...

С последним она точно ошиблась. Я с улыбкой заглянула в импровизированный мешок, убеждаясь, что пара горстей ягод все еще в моем распоряжении.

Уж не знаю, что местные обитатели с ними делают, то есть каково реальное назначение ягод. Скорее всего, способность понимать речь и даже слышать мысли после дегустации – лишь побочный эффект. Но для меня он самый важный! Лишь бы я права оказалась, ну и возможность нашла незаметно скормить ягодки какому-нибудь рарку. Хотя бы тому самому, чью кашу я вчера съела.

Была, конечно, надежда, что местные жители общаются не на своем языке, а на галактическом вайли, которому учил меня папа. Поняла же я речь девушки! Тогда и в эксперименте необходимость бы отпала. Но...

Но, как всегда, сработал закон подлости. Когда я осознала, что внизу подо мной шум и возня стали отчетливей, разгребла сухую траву и заглянула в щель. А там седовласый мужчина, ругаясь на совершенно невообразимом горловом «песнопении», которое я приняла за бурчание, перебрасывал сено в маленькие загончики. Мало того, не прошло и получаса, как в сарай заглянул еще один мужчина, однозначно моложе, но при этом имеющий чрезвычайно громкий голос. Вот тогда я окончательно убедилась – без допинга извне такую абракадабру я не осилю. И вообще! Я же не лингвист, чтобы с нуля быстро разобраться в совершенно незнакомом языке и научиться говорить.

А значит, мудрисса мне в помощь! Жаль только, инструкции к ней не прилагается. Не вышло бы, что я забиваю микроскопом гвозди, как любила говорить мама. Однако ведь даже так лучше, чем делать это голыми руками!

Вот потому я без зазрения совести снова вломила в дом старичка, едва тот, бросив работу, ушел следом за женщиной. Мое счастье, что двери они не запирают! Я осмотрелась, отыскивая хоть что-нибудь, куда можно было бы спрятать пару-тройку ягод, да еще и так, чтобы они с гарантией оказались съеденными. На всякий случай, хоть и рискуя, но сделала аж две «закладки»: в толстые мягкие ломти выпечки, лежащей под полотенцем на столе, и в какое-то варево, еще теплое, стоявшее на полке. Последнее не удержалась и продегустировала – желудок, едва нос унюхал умопомрачительные запахи, моментально возмутился и наверняка выдал бы меня с потрохами, если бы я его не задобрила.

Ждать, пока вернется хозяин, пришлось долго. Я за это время успела еще раз кухню-столовую осмотреть и наверх заглянуть, обнаружив там спальню и стол, заваленный бумагами. Задерживаться не стала, опасаясь поимки. Зато изучила нижний ярус сарая, где, оказывается, в загонах сидели животные, похожие на Вагу. Такие же глазастые, пушистые и многолапые. Правда, на этом сходство заканчивалось. Размер их был несравнимо больше, головы меньше, а тела гибкие, словно перекормленные змеи. И это они шумно и протяжно вздыхали, потягиваясь, почесываясь о стенки вольеров и старательно поедая сено.

И снова осторожничая, прячась в серых кустах и радуясь, что мой комбинезон так удачно совпадает с ними по цвету, я пробежалась по окраине поселения. Сверху, глазами Ваги, оно не виделось мне таким уж большим. Сейчас же казалось громадным, когда я реально оценивала размеры и количество домов вместе с пристройками. Никого из местных на пути не встретила, однако

недоумевать по этому поводу мне долго не пришлось. За очередным домом моим глазам открылась настоящая толпа, собравшаяся на площади, где стоял невообразимый шум. Наверное, сегодня здесь происходило что-то важное.

Точно зная, что все равно ничего толком не выясню, раз речь не понимаю, подходить ближе не стала. Вернулась обратно к дому старика и спряталась в зарослях у той самой смотровой щели-окна, в которую заглядывала вчера. Она же с задней стороны дома, тут нет ни дороги, ни протоптанной тропинки. Значит, высоки шансы остаться незамеченной.

Глава 2

Безумные поступки

На площади действительно собрались все жители поселка. Взрослые и дети, женщины и мужчины... Все они, кто с волнением, кто-то с восхищением, кто со спокойным интересом, а кто-то и с подозрением, следили за происходящим в центре. А там...

Там недвижно стояла бронированная повозка. Вместительная, мощная, редкое зрелище в таких отдаленных от центра цивилизации местах. Рядом с ней замерли вооруженные охранники в шлемах, цепкими взглядами сканирующие местных жителей сквозь голографические забрала. Двое рарков-инспекторов сидели на сиденьях машины, тихо переговариваясь между собой. Еще один, суровый, темноволосый, одетый в строгий дорожный костюм, уперев руки в бока и отставив одну ногу, предъявлял претензии старосте, ссутулившемуся и склонившемуся в подобострастном поклоне.

– Тебе, Гуз Рьяр, надлежало сразу сообщить в департамент о недоимке. Тогда и моего присутствия здесь можно было бы избежать.

– Никакой недоимки не было, даг Легор, – возразил староста, распрямляясь. – Сбор мриссы идет как обычно...

– Почему же тогда последняя партия совсем маленькая?

– Так не сезон же.

– В прошлом году, – проверяющий деловито заглянул в записную книжку, сверив данные, – в это же время мы получили три коробки мриссы. В этом всего одну. У тебя есть этому объяснение?

– Думаю, крим-вага, живущая на этой территории, состарилась. Она ведь, сколько я себя помню, живет здесь, преемницу так и не вырастила. А без ее помета семена не прорастают.

– Значит, в помете проблема? – поморщился Легор. – А у нас имеется другая информация. – Он обернулся, чтобы посмотреть на своих коллег, и те дружно кивнули. – Ты, походу, утаивать мриссу начал. Признавайся, для себя оставляешь? Или кому на сторону продаешь?

– Да я ж никогда вас не обманывал! – аж взвился староста, оборачиваясь к соплеменникам, которые затаив дыхание прислушивались к разговору. – И документы у меня есть! Кто, когда и сколько собрал. Все учтено до последней ягодки! Все подтвердят!

– Все когда-то бывает впервые, – философски заметил проверяющий, отмахнувшись от него. – Кабы не приказ дагона, я б с тобой даже разговаривать не стал... Где документы?

– Так в доме моем. – Гуз Рьяр махнул рукой в неопределенном направлении.

Впрочем, что жилище старосты находится на краю поселения, Легор прекрасно знал. Оттого и скривился. Идти так далеко ему не хотелось. Атмосферная дымка разогревалась, становилось жарче, а плотный костюм не давал уходить теплу от тела. Снимать же его и выставлять на обозрение простолюдинов легкую рубашку проверяющий считал ниже своего достоинства.

– Тащи сюда, – процедил, словно одолжение сделал, и отвернулся, чтобы забраться на сиденье в уютную прохладу воздушного потока, нагнетаемого бесшумно работающим двигателем броневика.

Гуз Рьяр судорожно прошелся пальцами по волосам, продираясь сквозь спутавшиеся пряди, кивнул своему помощнику, показывая, что тому следует пойти с ним, и поспешно зашагал по дороге.

– Что происходит, Щьер? – коротко поинтересовался, едва площадь скрылась за поворотом.

– Я ж тебе говорил – опасно это! Заметят! А ты меня не слушал.

– Да ничего бы они не заметили, – разозлился Гуз. Некоторое время молча шагал, поднимая ногами пыль и обдумывая. Наконец констатировал: – Их явно навел кто-то. Донес.

– Да нет, нет, – затряс головой помощник, засовывая руки в карманы широких брюк. – Не может быть.

– Не нет, а да, – припечатал староста. – Такого бардака, как у них в департаменте, больше нигде не сыщешь. Сомневаюсь, что они вообще отслеживают сборы. Ты не заметил разве? Легор не передаточную ведомость смотрел, а простую запись. Письмо. Анонимку... Заходи. – Он распахнул дверь дома и продолжил: – К тому же в прошлом году я сдал не три коробки, а две с половиной.

– Как? Я же видел три... – вырвалось у Щьера, перешагнувшего порог.

Он, разумеется, себя оборвал, сообразив, что почти проговорился, да только было поздно. Гуз к нему развернулся, изумленно вскинув брови.

– Ты?! Это ты меня подставил! Да я ж тебя в преемники готовил!

– Готовил! – захохотал Щьер. Характер не позволял оправдываться, и потому он пошел в наступление: – Готовил? Да ты меня использовал как мальчишку на побегушках. Подай, принеси, проследи... Сколько я терпеть должен? Ты ж еще оборотов сто проживешь! А мне сейчас власть нужна! Сейчас! На законных основаниях!

– Власть ему! – затряс головой староста, уперев руки в бока и расставив ноги. Зло зыркнул из-под кустистых бровей и грохнул кулаком по столу: – Да дагон тебя при первой же возможности удавит без моей протекции!

– Протекция... – зашипел бывший соратник, словно сел на раскаленную жаровню. – Вот, кстати, еще вопрос: чем же ты дагона к себе расположил? Темные нагори раздери и его, и олухов из депа! Прикончили бы тебя, и всего делов. Меня б тогда и без твоего поручительства старостой назначили.

– Ах ты помет ваги! – рванул к нему Гуз, схватив со стола нож.

Щьер бросился навстречу. В его руках тоже было оружие, и именно оно встретило замахнувшегося для удара противника, со смачным хрустом пропоров ткань и плоть.

Староста крикнул, схватился за залитую кровью рукоять и, выдернув, уронил оба ножа. Заморгал, медленно оседая на пол, цепляясь пальцами за одежду своего убийцы и оставляя на ней кровавые отпечатки.

– Щ-щ-щедар! – выругался Щьер и отскочил в сторону.

Осмотрев себя, понял – чтобы не быть расстрелянным на месте за убийство, нужно срочно избавиться от улик! Убедившись, что за дверью по-прежнему никого нет, выскочил на улицу и побежал к себе – переодеваться и уничтожать испачканную одежду, попутно обдумывая, кого обвинить в гибели старосты...

Голоса, приближающиеся к дому, я услышала задолго до того, как хлопнула входная дверь. Но даже после этого через стену и прозрачный материал окна до меня продолжали доноситься рывкающие отрывистые звуки. Заглянула я внутрь буквально одним глазом, стараясь оставаться незамеченной. Впрочем, могла и не осторожничать: старик и его гость ни на что постороннее внимания не обращали.

Кстати, гостем оказался тот самый молодой мужчина, что прибежал в сарай. Они и тогда-то разговаривали на повышенных тонах, а теперь вообще орали, очевидно в чем-то друг друга обвиняя. Серьезном. Потому что очень быстро

ссора превратилась в поножовщину – я ахнула и отпрянула от окна, зажимая себе рот руками, когда старик упал на пол, истекая кровью. Рискнула вновь заглянуть внутрь, лишь когда услышала стук двери и топот убегающих ног.

Хозяин дома по-прежнему лежал на полу, убийца, видимо, удрал. Я тоже хотела было сбежать, подальше от этого ужасного зрелища, от медленно растекающейся по полу луже крови... Вот только ноги мои словно приросли к месту. Пальцы судорожно стиснули выступающий подоконник, и я с трудом смогла их разжать. А когда у меня получилось, отступила. Невольно бросила последний взгляд в окно и замерла.

Старик не умер. Раненый, он полз к стулу, хватался за него, пытаясь подняться. И я не выдержала. Вместо того чтобы унести прочь, рванула в дом.

О чем я думала? Да ни о чем, в общем-то. Просто мне моя совесть не позволила оставить его, бросить умирать, ничем не помочь.

Не обращая внимания на кровь, помогла мужчине сесть. Вернее, привалиться спиной к ножке стола. Сдернув со стены пару полотенец, одно скомкала в плотную подушку и прижала к ране, вторым затянула, чтобы не пришлось держать. Куда именно попал нож убийцы, я лишь смутно себе представляла. Слева. Ниже ребер. Крови много, потому что там селезенка. Насколько это смертельно? Я не знаю.

– Гап-дагг-рап... Щьер! Стиж... Стиж Щьер вар саж!

Пострадавший вцепился пальцами в мое плечо, мешал перевязке, настойчиво бормоча, но я его не понимала. Смотрела беспомощно, как он пытается мне что-то втолковать...

Стоп! Ягоды!

Поспешно вытащив из мешка последние, уже совсем сморщившиеся черные горошинки, я торопливо закинула несколько себе в рот, остальные – старику, изумленно расширившему глаза.

Впрочем, выплевывать их он не стал. Проглотил. Тяжело дыша, вытер пот со лба.

– Щьер, – выдохнул хрипло. – Щьер – убийца. Скажи это им, если я... Нет, подожди...

Закашлялся, а когда убрал ладонь, рот тоже был в крови.

– Не разговаривайте, – приказала я. – У вас легкое повреждено.

– Все равно умру, – болезненно поморщился раненый и вновь схватился за мою руку, торопливо говоря: – Щьер не должен стать старостой вместо меня. Он недостойн. Меня подставил. Смерти моей хотел. Скажи им.

– Хорошо, – пообещала, пусть даже совершенно не понимала, как я это сделаю. – Но лучше вы все же помолчите, поберегите силы, и тогда сами все расскажете. Можно же кого-нибудь позвать? – принялась лихорадочно соображать, как бы привлечь к дому внимание толпы, а самой в суматохе спрятаться понадежнее.

– Нет, нет, – почему-то заволновался старик. – Им нельзя! Нельзя, чтобы узнали... И пропасть не должно. Скрыть надо. Спрятать.

– Что скрыть? Нож? Так говорить им про Щьера или нет? – я затрясла головой, чувствуя, что окончательно запуталась.

– Быстрее, – не обращая внимания не мои вопросы, продолжал гнуть свою линию раненый. – Там, наверху, стол. В нем... коробка. Нижний ящик. Вот ключ. Принеси. Быстрее.

Сунув мне в руку короткую палочку, которую сдернул с цепочки на шее, рарк закрыл глаза и откинулся затылком на стол.

Я медлить не стала. Стрелой взлетела по ступеням. Лихорадочно сунула ключ в паз, услышав щелчок, рванула на себя ящик, в котором действительно стояла одинокая коробка из серого плотного материала. И обратно спустилась быстро, опасаясь, что не успею.

Губы старика стали совсем бледными, руки холодными. Однако едва я его коснулась, как глаза тут же распахнулись.

Активировав код на крышке, он вытащил крошечный непрозрачный пузырек с непропорционально большой и толстой завинчивающейся крышкой.

– Открой, – приказал, потому что отвинтить ее ему сил не хватило. – Каплю на запястье... изнутри... вотри в кожу. Да, так... – кивнул, когда я хоть и нерешительно, но послушно растерла белую вязкую жидкость. – Остальное спрячь. Надежно спрячь. Отдашь только дагону Дьеру Шайхоту. Никому больше! Поняла? Повтори!

– Отдать дагону Дьеру Шайхоту. – Я замялась. – Только я тут... видите ли... не местная, в общем.

– Не важно, – хрипло засмеялся старик, и в уголках его рта снова появилась кровь. – Я понял, не дурак. Коробку на полку поставь. Не догадаются. Ящик ты закрыла? Закрой. Стой, дура! Там... – Он задохнулся, я же послушно замерла, вцепившись в перила. – Там сундук, слева. Платье. Внучка у меня была... Сгинула. Возьми.

Носить чужую одежду я не привыкла, однако понимала: оставаться в своей точно не вариант. Да и сундук обнаружился быстро – я его еще раньше заметила, только заглядывать внутрь не стала.

Теперь же с понятным смятением вытащила светло-бежевое платье. Свободное, расклешенное от груди, с высоким воротничком-стойкой и длинными свободными рукавами. Под ним лежало еще одно, темно-коричневое. А затем вообще черное-пречерное. Нижнего белья не нашла, зато на самом дне обнаружилась пара не то плотных тапочек, не то мягких туфель и широкий пояс с сумочками-кармашками.

Последнее было бы очень удобным, чтобы вещи сложить. Вот только правильным ли будет брать что-то с собой? Я, конечно, не шпионка, но прекрасно осознаю, чем рискую. Моя земная одежда, коммуникатор, заколка для волос, секретная бутылочка... Это ж настоящий компромат! А у меня даже времени нет, чтобы подумать как следует, куда же их спрятать.

Лихорадочно осмотрелась. Пол... Стены... Мебель... Тут все на виду! Подняла голову и...

Ура! Есть! Более не мешкая, забралась на стол и затолкала опасные сокровища между балок. Надеюсь, никому не придет в голову сюда руки совать.

Услышав тихий стон, поспешно спрыгнула и сбежала вниз по лестнице.

– Нет, нет, нет! – испугалась, когда увидела совсем тусклый стекленеющий взгляд на мертвенно-белом лице. Что ж я возилась-то так долго! – Не смейте умирать, слышите? Я позову на помощь! Только скажите кого!

– На площадь... – шевельнулись бледные губы. – Даг Легор... В синем. Та еще... сволочь. Тебя не тронет. Проси взять... С собой... Давай.

Кто такой этот «Легор», я переспрашивать не стала, рванула к выходу. Мне становилось не по себе от одной мысли, что первая ниточка, за которую мне удалось зацепиться в этом жутком мире, сейчас оборвется. И безумно было жаль старика.

Толкнула дверь и едва не упала, потому что нос к носу столкнулась с тем, кто... кто сбежал с места преступления!

– Щьер? – сдавленно выдохнула первое, что пришло в голову.

Потрясение в темно-серых глазах, которые и без того смотрели на меня изумленно, стало запредельным. Квадратная челюсть некрасиво отвисла, явив нижний ряд желтых зубов, и это стало для меня спусковым крючком. Я изо всех сил толкнула застывшего на пороге мужчину и со всех ног понеслась по дороге.

– Куда?! – донесся до моих ушей разъяренный вопль. – Стой!

Разумеется, останавливаться я не собиралась и, наверное, даже побила мировой спринтерский рекорд. У меня был прекрасный стимул – желание остаться в живых. К тому же топот бегущего следом рарка снижению темпа не способствовал.

На площадь я вылетела как луч бластера, пронзив толпу мирно что-то обсуждающих поселян. Затормозила лишь на мгновение, чтобы оглядеться. Глаз моментально выхватил синий костюм – единственный среди коричневых,

бежевых, серых и темно-зеленых оттенков. К нему и бросилась, даже не подумав о том, как на мои действия отреагируют окружающие.

Оттого и не поняла, почему вдруг мои ноги оторвались от дороги, а мир кувыркнулся, меняя местами светящееся дымчатое небо и пыльную желтую землю.

Взвизгнула, заверещала, задержалась, извернулась, молотя ногами и руками по чему-то мягкому... То есть кому-то.

– Г-р-рашш-ш-ш! – отчетливо зашипело у меня над... гм... пятой точкой.

Плечо, на котором я зависла, ушло из-под живота, чужие руки, крепко схватив за талию, рванули вниз и отпустили, позволив упасть в пыль.

– Она бешеная какая-то! – грянул вердикт и вопрос: – Пристрелить?

Подняв голову, встретила глазами с дулом оружия и нервно сглотнула. Спаслась, называется.

– Убили... – вовсе не наигранно всхлипнула, отыскивая взглядом любителя синих оттенков, к которому меня не пропустила бдительная охрана. – Помогите! Даг Легор... Дедушку убили.

– Вот как? – не сообразил, о ком я говорю, и потому скептически ухмыльнулся коренастый мужчина, в облике которого несомненно было больше властности, нежели у местных рарков. – И кто убил?

– Щер...

– Нет, нет, не слушайте ее! – перебивая меня, заорал еще один голос.

Его обладатель, растолкав поселян, бежал к нам, и я, снова взвизгнув, подскочила. Отшатнулась и вцепилась плечом в охранника, но на этот раз тот отталкивать меня не стал. Просто крепко обхватил рукой, направив вторую, с оружием, на мою голову.

Однако и убийцу близко не подпустили – двое военных мгновенно среагировали. Теперь Щьер, тяжело дыша и с заведенными за спину руками, тоже «отдыхал» в медвежьих объятиях одного из них, а оружие второго смотрело ему точно в висок.

– Не понял, – нахмурился Легор. – Что за спектакль вы тут устроили?

– Никакого спектакля! – категорично заявил Щьер. – Староста по дороге к дому вспомнил, что у меня тоже есть документы, отправил за ними. А когда я к нему пришел, он уже мертвый лежал...

– Живой! – возмутилась я. – А ты трус! Потому что сначала сбежал, а потом вернулся проверить и наверняка добить. Даг Легор, помогите!

Мужчина приподнял брови, задумчиво почесал висок и кивнул военным, из тех, кто еще не успел проявить доблести и отваги при задержании. Две темно-зеленые фигуры, спрятав оружие в кобуру, трусцой побежали исполнять приказ.

Я не очень понимала, почему Легор не пошел сам, почему не вызвал медиков, но спрашивать не рискнула. И без того хожу по лезвию.

Поселяне, по-прежнему занимающие периметр площади, гудели и шевелились, но никто не уходил. Наверное, это было запрещено, потому что на Земле толпа зевак однозначно увязалась бы за проверяющими.

– Если бы я знал, что она старосту караулит, – продолжал сокрушаться убийца, – я бы его не оставил! Не допустил...

– Заткнись, – рыкнул Легор, оборачиваясь к мужчине, который подошел к нему со спины.

Если у Щьера и было желание еще что-то сказать, то оно тут же пропало. Причиной был не только приказ, но и широкая ладонь военного, закрывшая болтуну рот. Я, хоть и была возмущена обвинением, тоже предпочла промолчать. Тем более никто не собирался меня слушать.

Слушать! Я почему-то только в этот момент сообразила, что мое свободное общение с рарками не укладывается в логику объяснения воздействия ягод. То есть семян. Да, я их ела, но ведь никто из присутствующих одновременно со мной этого не делал. Получается, ошиблась в выводах? Или не учла каких-то факторов? Или в нежданном освоении чужого языка виновата та жидкость, которую я растерла на коже? Но как?

И вновь я пожалела, что не уделяла должного внимания биологии. Тогда наверняка могла бы с большей достоверностью предположения делать! Впрочем... Вот оно мне надо? Как сказала Ви, когда мы тестировали свою первую зачетную работу в школе: «Работает – не трогай! Сломается – будешь разбираться». В то время я с ней спорила, сейчас была готова согласиться. Пропадет способность – озабочусь решением проблемы, а пока...

Пока будет правильным присмотреться к технике, которую Легор забрал из рук своего напарника, если судить по сходному крою костюма, хоть и темно-серого цвета, но с синими вставками. Да и на рукавах у них была одинаковая эмблема – шестиугольник-сот, с вышитой в нем многолучевой звездой, – словно отмечающая принадлежность к какой-то одной организации.

На технике, похожей на тонкий планшет, с нижней стороны точно такой же знак красовался. А вот верхняя часть, светящаяся, однозначно служила экраном, на котором Легор что-то внимательно рассматривал.

– Левее ракурс и ниже, – неожиданно произнес.

Больше никаких указаний не поступало, раздавались лишь одобрительные «угу» и недовольные «гм», но мне и этого хватило, чтобы догадаться: он смотрит то, что передает ему камера на шлеме одного из военных! Значит, все увидит будто собственными глазами. Вот только будет ли этого достаточно?

Вопрос сложный. И я с волнением ждала, когда же он прояснится, а в итоге...

В итоге Легор сунул планшет в грудь напарнику – тот едва успел его перехватить – и в три широких шага подошел ко мне.

– Руки, – рявкнул, сверкнув глазами.

От неожиданности я растерялась. Смысл дошел, лишь когда удерживающий меня военный, ловко сменив положение и перехватив мои запястья, рванул их вверх и вперед, предъявив начальству. А оно там быстро углядело то, что вполне могло служить уликой – кровь. Воды, чтобы ее смыть полностью, я не нашла, лишь оттерла, насколько смогла.

– Я его перевязывала, – тихо пробормотала. Впрочем, так, чтобы меня услышали. Иначе какой смысл оправдываться?

– Гуз Рьяр, староста, твой дед? – на меня обрушился следующий вопрос.

– М-м-м... – это Щьер попытался было ответить за меня, забыв, видимо, что рука военного все еще мешает ему свободно изъясняться.

Я бы не стала врать, да только выбора не было.

Кивнула, всхлипнула... Похоже, напрасно, потому что Легор уже потерял ко мне интерес и столь же быстро переключился на второго подозреваемого, который, наконец, получил возможность говорить.

– Твой нож – орудие убийства, – припечатал коротко.

– Я еще вчера его старосте одолжил, – ни на секунду не замешкался Щьер. – Он свой забыл, просил выручить. Забрать обратно не успел, а Гуз его, видимо, дома оставил. Вот убийца этим и воспользовалась.

– Где документы, которые ты нес из своего дома?

О-о-о... Видимо, именно этот нюанс убийца из виду упустил. Не обдумал. Не ожидал. Замер, бегая глазами по сторонам, лихорадочно соображая, что ответить.

Я обрадовалась. Вот! Хоть что-то доказывает его вранье! А если найдут окровавленную одежду, то ему будет совсем сложно оправдаться. Интересно, как у рарков судят? Наверное, всем поселением выслушивают обвинения и определяют наказание.

Подумала и вздрогнула, потому что мои предположения оказались не верны. Легор одним движением вытащил оружие из кобуры ближайшего к нему военного и...

Пшш-ш-ш!

Мягкий звук, словно шипение змеи, распорол воздух. Вспыхнув огненным росчерком, короткий световой кинжал пронзил голову, заставив глаза рарка вылезти из орбит. Его рот приоткрылся, руки судорожно дернулись, тело начало оседать в пыль, а вокруг стало подозрительно быстро темнеть...

– И долго будем ждать?

– Сколько начальству надо, столько и будем.

– Со скуки сдохнуть можно.

– Ну ты, скажешь тоже... Работка одно удовольствие – сиди себе спокойно, красотку стереги. Это ж не труп закапывать.

– Маграсу с Дарем не повезло. Домой вернутся пыльные и потные.

– Вот и я о том же. И вообще, рабочее время идет, денежки капаят. Так что не дергайся.

Мужские голоса раздавались совсем рядом. Негромкие, но отчетливые. Тот, что звучал наставительно, – несомненно был старше. Второй, сокрушающийся и нетерпеливый, – совсем молодой, звонкий.

Признаваться, что все слышу, я не стала. Лежать было удобно и мягко, а приходить в себя совершенно не хотелось. Особенно после наглядной демонстрации местных порядков. Оказывается, рарки не только чужаков не жалуют, они и своих тоже не особенно жалеют.

Вспомнив отвратительную казнь, вновь почувствовала дурноту. Я ведь даже сознание потеряла, хотя никогда не считала себя излишне чувствительной, да и

к виду крови относилась спокойно. Но зрелища вскипевшего мозга, прущего наружу из оплавленной раны, моя нервная система не вынесла, а осознание, что это мог быть мой мозг, добавило «приятных» ощущений, отправив меня в спасительный обморок.

– Заметил, как народ моментально исчез? – сменив тему, вновь заговорил молодой военный.

– Дык ясное дело, – добродушно проворчал старший. – Разрешения ждали, а как получили, так и испарились. Кто ж будет лишний раз рисковать и себя подставлять, привлекая внимание? Им своя шкура дороже чужой.

– У дага Легора не забалуешь, – уверенно подтвердил его собеседник. – Как думаешь, кого теперь старостой назначат, раз помощник... того?

– Вот ты спросил-то... – завозился, видимо меняя положение тела, второй охранник. – Мне почем знать? И вообще, не забивай себе голову ерундой. У каждого своя работа и свои обязанности. Проблемы дага – это головная боль самого дага, тебе в это вникать ни к чему.

– Так интересно же! – не сдался молодой. Оттого и получил возмущенное:

– Да что ж ты за бестолочь такая?! Я его уму-разуму учу, а он все равно за свое! Любопытство хорошо для тех, кто статусом вышел. А такового не имеющим лучше в чужие дела нос не совать.

Некоторое время мужчины молчали. Я слышала лишь шумное сопение одного, чуть хрипкое дыхание второго и хруст песка под подошвой сапог. Наверное, кто-то из них устал стоять и решил размяться.

Я бы этому не придавала особого значения, если б разминающийся не подошел ко мне совсем близко. Не видела, но ощущала, что наклонился, рассматривая. И от этого притворяться становилось все труднее.

– Хорошенькая, – похвалил он с видимым удовольствием. Я даже с закрытыми глазами представила себе смазливую физиономию с масляной улыбочкой. – Ушки только все портят. Сразу понятно – селянка. Такую горожанину разве что в

любовницы...

– Ать ты как заговорил-загордился, – засмеялся пожилой военный. – А у кого бабка из сельских, а? И что-то не припомню я, чтоб твой дед ее как любовницу приходовал. Вроде женкой была.

– Была, не была, – заворчал молодой. – У меня от нее все равно ничего во внешности нет.

– У тебя от нее дефицит ума, – глубокомысленно изрек собеседник.

– Унижаешь, да? – в голосе прибавилось обиженных ноток. – Вот, смотри! Видишь остренькие какие? Значит, глупым быть не могу по определению!

– Остренькие, да только короткие, – в ответ раздался хриплый смех и очередная подначка: – А потому по уму ты недалеко ушел от круглоухих, которых учи не учи, все без толку...

– Уг-гр-рр-р!

Рядом раздался раскатистый звук, похожий на рев, и одновременно – движение воздуха и скрип песка. Четкое ощущение, что куда-то в сторону рванул молодой парк.

Впрочем, не «куда-то», а к своему напарнику, потому что в ответ раздался не менее явный топот сапог и смачное «хрясь!».

Я даже на локтях приподнялась, чтобы лучше видеть устроенную ими потасовку. И лишь тогда поняла, почему мне так мягко и удобно – меня на сиденье того самого транспортного уложили, который на площади стоял. Вместительного, по размерам внушительного. Видимо, на нем все и приехали.

Дверцы оказались открыты, потому мне был виден небольшой кусочек площади, где действительно не наблюдалось никого из поселян. Зато для рарков это место стало прекрасным татами.

Дрались они качественно. Красиво. Выпад, уклонение, подсечка. Оружие так и осталось в кобуре, определенно не ради убийства спарринг затеян. Просто выяснение отношений.

– Разойтись! – неожиданно рявкнул начальственный голос. – Нашли время...

Упасть обратно на мягкое сиденье я не успела. Рука Легора легла на край кузова машины, а через секунду и он сам заглянул внутрь.

Изображать беспамятство больше смысла не имело, потому я мило ему улыбнулась и пожала плечами. Типа я тут просто лежу. И вообще не понимаю, с чего эти двое дерутся.

То, что мне теперь придется играть роль недалекого ума простушки, я уже осознала. Буду вести себя так, чтобы соответствовать образу, которого от меня ждут. Но это и к лучшему – мои промахи спишут на недостаток сообразительности, да и незнание тоже будет иметь объяснение. Последнее, правда, в том случае, если я в город попаду, а не останусь в поселении. Здесь-то я как раз должна все хорошо знать.

– Значит, Гуз Рьяр тебя прятал, – заставив меня невольно вздрогнуть, заговорил Легор. – Забавно, ведь все полагали, что ты шесть оборотов как умерла. И до сих пор пребывают в этой уверенности. Почему же он тебя скрывал? Да еще и так долго. А, Дея?

Дея... Я снова вздрогнула, настолько неожиданно созвучным с моим оказалось имя погибшей девушки. Легор же пригнулся, забираясь внутрь. Расположился на сиденье рядом, вынуждая меня сдвинуться и сесть, опустив ноги. Закинул руку на спинку и, склонившись ко мне, продолжил, таинственно приглушив голос:

– Может, потому, что болезнь твоя была смертельной? А Гуз нашел способ ее излечить и не желал, чтобы об этом узнали остальные? Чем он лечил тебя?

Несмотря на коварный вопрос, версия мне понравилась. Она, кстати, и пузырек с жидкостью объясняла. Возможно, старик на самом деле ее для внучки готовил, да только лекарство не помогло... Правда, тогда непонятно, зачем он заставил меня им намазаться.

– Не знаю, – нашла в себе силы пробормотать. – Не помню. Мне плохо было.

– Понимаю, – кивнул Легор. – У меня дочка от лиспы умерла. Сильно мучилась.

Пользуясь тем, что в этот момент смотрел он не на меня, я с удивлением рассматривала мужчину, у которого настолько явные двойные стандарты по отношению к одному и тому же результату! Щьера он убил не задумываясь, а о судьбе дочери скорбит.

– Маленькая?

– Ей два оборота всего исполнилось.

В задумчивости рарк пробыл недолго. Прищурился хищно, ухмыльнулся одним уголком рта...

Быстрое движение, холодное лезвие, прижатое к шее, и угроза в леденяще-спокойном голосе:

– Советую вспомнить, чем тебя лечили, иначе отправишься следом за моей девочкой.

Ошалев окончательно, я задохнулась, боясь пошевелиться. Горло сдавило спазмом, на глаза навернулись слезы, покатались по щекам...

– Тьфу ты ж! Женщины!

Легор убрал оружие, презрительно скривился и полез из машины наружу. Моя персона, по всей видимости, больше его не интересовала.

Не зная, что делать дальше, сначала я просто сидела, вытирая слезы, никак не желающие исчезать. Потом сдвинулась на край сиденья и выглянула.

Вернувшиеся военные рассредоточились по площади: кто-то патрулировал, кто-то просто стоял, бдительно взирая по сторонам. Моя бывшая охрана, стоя по стойке смирно, выслушивала нотацию Легора. Напарник, который услужливо снабдил его планшетом, чуть в стороне что-то обсуждал с еще одним, точно так

же одетым в темно-серый костюм с синими вставками. И если первый мне показался обычным, то второй неприятным.

Острый нос и такой же заостренный подбородок. Маленькие бегающие глазки, прячущиеся под длинной черной челкой. Да и сам он тощий, длинный, угловатый. И при таком несуразном облике от него даже на расстоянии разило опасностью. Причин подобного впечатления объяснить я не могла. Разве что...

Присмотрелась внимательнее и поняла – уши! Они у него совсем узкие, но чрезвычайно длинные, потому сильно заостренные. А если отталкиваться от услышанного и соотносить этот признак с уровнем интеллектуального развития, наложив его на своеобразный облик, то получится умная, пронырливая и наверняка вездесущая бестия. От такого лучше держаться подальше.

Подумала и вздрогнула – словно ощутив мое внимание, голова на тощей шее резко крутанулась, а черные как угольки глаза безошибочно нашли меня. Оторвались буквально на мгновение, чтобы оценить диспозицию, и вновь вцепились в мое лицо, теперь уже изучая досконально.

На всякий случай я опустила взгляд, одернула подол платья, сложила руки на коленях. Простая сельская девушка. Скромная, стеснительная, глупая. Что с меня взять? И вообще, что такого страшного в моем внимании? Обычное женское любопытство. Ведь не каждый день нам, живущим в глубинке, выпадает счастье лицезреть столь выдающиеся уши. То есть умы. А это значит, что мне будет не только простительно, но и закономерно проявить заинтересованность.

Набралась смелости (а может, наглости), чтобы из-под челки и упавших на лицо волос посмотреть на ушастика. Убедившись, что он по-прежнему изучает мою персону, смущенно хихикнула и повела плечиком. Мол, льстит мне проявляемое внимание со стороны столь важной персоны.

– Не понял, – прервал мое позерство Легор, закончивший с воспитательной беседой и незаметно подошедший. – Ты все еще здесь? А ну кыш домой.

– Куда? – растерянно пролепетала я.

– Домой, домой иди.

Рарк, взяв за руку, стянул меня с сиденья, заставив отойти. Сам же забрался в машину, завожился, устраиваясь удобнее, и обернулся к напарникам, которые сели позади. Принял из рук художавого планшет и уложил в подставку на маленьком столике перед собой.

Военные тоже развили бурную активность: перепрыгивая через высокие борта, забрались в кузов, который закрылся сверху прозрачным колпаком. Двери машины, которые до этого были подняты наподобие крыльев, развернулись и сложились, закрывая проемы и придавая технике обтекаемую форму. Я же судорожно соображала – как поступить?!

Остаться в поселении? Но что я здесь буду делать? Отсюда в космос точно не полетишь, а местное население меня в два счета признает чужачкой и разоблачит, даже если в доме старика поселюсь. Так что мне в город нужно! А еще лучше – на какой-нибудь местный космодром. Надеюсь, таковой имеется.

В общем, я решилась. Бросилась наперерез поднявшейся на воздушной подушке и начавшей разворачиваться машине.

Поступок был безумным. Вполне вероятно, самоубийственным. Меня могли задавить, отбросить, искалечить... И все же тупоногая громада затормозила, а из-под начавшей подниматься дверцы-крыла выскочил Легор.

– Идиотка! – заорал, надвигаясь на меня. – Жить надоело? Я неясно сказал? Домой пошла!

– Я не хочу! – отступать я не стала, не для того собой рисковала. – Не могу! В этом доме дедушку убили, как я туда вернусь и буду жить? Совсем одна! Я же не выживу! Заберите меня с собой. Пожалуйста! Я все, что скажете, буду делать: убирать, готовить, шить. Я буду хорошей помощницей. Правда!

– Не придумывай глупостей! У нас прислуги хватает. А твое место здесь. Все живут и ты ничем не лучше! – возмутился рарк, продолжая меня теснить. Когда же я упрямо отказалась отступать, толкнул. Сильно. Настолько, что я не удержалась на ногах и упала в пыль, как оказалось, на острые песчаные грани.

От боли в ладонях и бедре, но больше, наверное, от обиды и отчаяния, я разревелась. В этот момент мне уже было безразлично – убьют меня или оставят

в живых. Первое было вероятнее: Легор уже полез в кобуру. Не вытащил оружие лишь потому, что тонкая костлявая рука легла на его предплечье, останавливая, а тощая долговязая фигура склонилась к уху и принялась что-то шептать.

– Хорошо. Сам разбирайся, – неожиданно согласился Легор. Застегивая фиксатор на кобуре, он отступил к машине, а его нескладный напарник, шагнув ко мне, присел на корточки.

– Со мной поедешь? Мне как раз нужна... помощница.

От вопроса, вернее весьма выразительного уточнения, двусмысленность которого не понял бы только наивный идиот, я даже о своих переживаниях забыла. Ой-ой... Перестаралась. Он решил, что я с ним заигрывала.

Однако отказываться от щедрого предложения – не вариант. Возможно, это вообще мой единственный шанс отсюда выбраться. А способ, то есть планы на меня остроухого... Ну не силой же он меня в постель потащит и не с нахрапу. Успею что-нибудь придумать. Жаль только, совсем ничего не знаю о местных традициях и действовать придется наугад...

– Поедешь? – повторил вопрос рарк. Доброжелательности в голосе ощутимо убавилось, видимо, не понравилась ему моя нерешительность. Мне даже почудились злые, резкие интонации, как приговор.

Потому и пришлось кивнуть поспешно. Для пущего эффекта, пока он поднимался, в очередной раз всхлипнуть, стирая запястьем слезы. На протянутую мне руку опереться, чтобы встать, а оказавшись рядом с машиной и почувствовав на спине ладонь, которая настойчиво подтолкнула внутрь, сообразить:

– Мои вещи!

Я-то о доверенном мне пузырьке подумала. И о моей одежде, которую было бы неплохо либо лучше спрятать, либо с собой забрать вместе с двумя другими платьями. Да только у моего нового спутника на этот счет мнение оказалось иным.

– Вещи? – острый взгляд придирчиво скользнул по моей фигуре. – Если они такие же, как те, что на тебе сейчас, то я не собираюсь тратить на них время.

– Они... нет. То есть да... То есть...

Пока я судорожно соображала, что же ему ответить, и путалась в словах, из недр машины раздалось недовольное: «Гр-р-раш, Ньевор! Тащи уже свою девку сюда. Или мы уедем без тебя!»

На этом деликатность остроухого рарка иссякла окончательно. Он просто обхватил меня за талию, приподнял и впихнул в салон. Сам запрыгнул следом, уже на ходу, практически поднырнув под закрывающуюся дверь.

Надо же... Сильный. А ведь, казалось бы – кожа, кости да жилы! Я, хоть и потеряла вес на вынужденной голодовке, но все же не стала невесомой. Ан нет, он меня без особых усилий поднял.

Оказавшись между ним и его коллегой, который косился на меня с понятным интересом, я благоразумно молчала. Ньевор, если это было его имя, а не фамилия, тоже говорить не спешил. Почему? Строить предположений я не стала, сделала вид, что ушла в себя, – как-никак я в одночасье и единственного родственника лишилась, и дома. Имею же я право на этот счет переживать?

Зато, пользуясь возможностью, прислушалась и присмотрелась к машине. Изнутри здесь все было в особенности притягательным, знакомым, завораживающим!

Ритмичные вдохи-выдохи системы нагнетания воздуха – судно определенно движется на воздушной подушке. Легкое ощущение падения, словно мы катимся с горки, хотя я точно вижу – движение идет по равнине, – значит, для облегчения массы активируется что-то антигравитационное. Вибрация от работающей ходовой – тут механика явно на первом месте. Едва слышный тонкий писк, почти на уровне ультразвука, – это однозначно идет беспроводная передача сигналов.

Диагноз: уровень технического развития на высоте. Хорошо, что не только в космосе, но и на планете. А то ведь бывают перекосы...

Впрочем, они-то как раз имеются, раз в глубинке, куда мне «посчастливилось» приземлиться, ничего даже близко похожего в техническом плане не обнаружилось. В доме у старика все было исключительно простое. Самое продвинутое устройство, что я видела, – аппарат для автоматического приготовления еды. В пристройке же вообще царила атмосфера глубокой древности.

Посмотрим, какие сюрпризы преподнесет город...

Сюрпризов пришлось ждать долго. Больше часа прошло, прежде чем равнина за частично прозрачным материалом, из которого были выполнены двери, сменилась на низкие постройки. По мере продвижения вглубь города дома становились выше, масштабнее и все плотнее теснились друг к другу.

Машина тоже изменила «поведение». Если до этого она двигалась практически на уровне земли, то теперь набирала высоту. А затем вообще нырнула в воздушный туннель с матово-фиолетовыми стенами, за которыми оставались видимыми контуры зданий. Двигатель заглох, а нас подхватила мне пока неведомая сила, утаскивая в сложную разветвленную систему полостей. Похоже, «дорогу», транспортирующую попавшую в нее технику, рарки считают более экономичной, нежели движение каждой машины в отдельности.

– На сегодня все, по домам, – обернулся к нам до этого занятый какими-то своими делами Легор. Увы, мне из-за спинки сиденья совсем ничего не было видно, замечала лишь движение плеч и отсветы от экрана планшета. – Завтра не опаздывать. Особенно это касается...

Серые глаза пробежались по мне и перескочили на лицо моего долговязого соседа. Послышался отчетливый смешок, но продолжать Легор не стал. Отвернулся, словно никаких намеков и не делал.

С тихим шипением дверца поднялась. Следом за Ньевором я вылезла, спрыгнув на упругое покрытие небольшой площадки, выступающей из стены туннеля.

Машина тут же уплыла дальше, а я, ведомая за руку, потрясенно осматриваясь, шла за рарком. Потрясенно, потому что идти на ошеломительной высоте по полупрозрачному материалу – занятие не для слабонервных сельских девушек.

В общем, рука моя дрожала очень натурально, ноги двигались неуверенно, дыхание спокойным не оставалось...

– Если страшно, можешь закрыть глаза. Я тебя доведу.

Сказал словно одолжение сделал. Снисходительно, с налетом превосходства. Впрочем, чему удивляться при такой высокой задиристости и амбициозности?

– Спасибо. Я потерплю, – пролепетала в ответ и добавила заискивающе: – Мне ведь нужно привыкать, да?

– Было бы неплохо, – похвалил мою инициативу Ньевор, заводя меня в услужливо раскрывшийся проем.

Огромная площадь, на которую мы шагнули, наверняка была создана как место для прогулок тех, кто живет на верхних этажах зданий. Здесь прослеживалась такая явная имитация земной поверхности!

Неширокие дорожки из рыжего материала – искусственного песка. Квадратные тумбы-кубы, привлекающие к себе, чтобы посидеть, уставших прохожих. Кустарники с длинными серо-голубыми игольчатыми листьями, напоминающими хвою земных сосен. Даже небольшой фонтанчик в центре, куда сходились все прогулочные дорожки. Над всем этим господствовало серо-жемчужное светящееся небо, а под нами притаилась пусть и невидимая, и неосязаемая, но... бездна! Этажей на сорок, не меньше.

Разумеется, были здесь и люди. То есть рарки. Одиночками и парочками, целыми группами, они двигались, кто неторопливо, а кто поспешно. Мужчины, женщины, дети... Последние неизменно в сопровождении взрослых.

Но примечательнее всего была одежда. Особенно женская. Яркая! Броская! Красивые полупрозрачные блузки и открытые топы. Длинные юбки с высокими разрезами и совсем короткие, пышные. Изящные туфли на высоком каблуке и удобные низенькие лодочки... Радующее глаз разнообразие!

Мужчины оказались более консервативны. Узкие брюки. Длинные навывпуск рубашки. Жилеты или короткие пиджаки. Все одноцветное или в два-три

близких оттенка, не более.

– Перестань на всех пялиться! – строго одернул меня Ньевор. – Может, в твоём поселении в этом не видят ничего особенного, но здесь точно сочтут за дерзость. А мне не нужны проблемы. Если кто-то решит, что ты его оскорбила, я защищать не стану. Будешь доказывать свое право на вызывающее поведение сама. Ясно?

Я бы спросила, как именно доказывать, но вовремя прикусила язык. Уж что-что, а такие вещи знать обязан каждый. Наверняка подобные формы доказательств в таком задиристом обществе часто встречаются, значит, настоящая Дея могла их видеть.

Пришлось любопытство поумерить. Теперь я лишь украдкой посматривала на прохожих, стараясь делать это незаметно. Больше смотрела под ноги и путь запоминала – если мне здесь жить, то ориентироваться жизненно необходимо.

Закончилась дорога у примыкающего к одному из гигантских домов павильона. Оказался он входом в еще один вид транспорта, перемещающего пассажиров внутри здания – этакий гибрид лифта и эскалатора, в котором площадки-ступени поднимались, ускоряясь и замедляясь по мере приближения к этажам.

На одну из таких ступеней мы и зашли вместе с еще одной парой. Молодая, уверенная в себе брюнетка в броском сиреновом платье, с юбкой выше колен и плотно облегающим красивую грудь верхом. Короткие рукава оставляли открытыми изящные руки с надетыми на предплечье браслетами, а на ногах, ощутило их удлинняя, красовались туфельки на каблуках, состоящие из одних ремешков. Мужчина, тоже темноволосый, был одет куда лаконичнее: черные узкие брюки, темные туфли, бледно-голубая рубашка.

Не обращая на нас внимания, рарк обнимал свою спутницу и что-то шептал ей на ухо. Та улыбалась, упираясь ладошкой в грудь кавалера, словно удерживая на расстоянии. Наверное, так и было, потому что, едва он проявил чуть большую настойчивость и попытался поцеловать, как доброжелательность девушки мгновенно пропала. Красотка зашипела что-то явно ругательное, и мужчина тут же отступил. Из объятий не выпустил, но неприличных, с точки зрения девицы, действий больше себе не позволял. Потому и она свое расположение к нему вернула на исходную позицию.

Все это время Ньевор стоял к ним спиной, я вполоборота, а потому видела пару не столько боковым зрением, сколько в отражении от чернильно-зеркальной поверхности стены, вдоль которой плыла ступенька. И в том, что мой спутник, как и я, наблюдал за происходящим, можно было даже не сомневаться – его лицо я тоже видела.

Взгляд маленьких глубоко посаженных глаз, прикрытых длинной челкой, был цепким, подмечающим детали. Он словно сканировал попутчиков, что-то для себя выясняя. И то, как они общались, ему однозначно не нравилось.

Наверное, я зря на этом сосредоточилась – мой интерес не остался незамеченным. Ньевор прищурился, плотно сжал губы и осуждающе покачал головой, по-прежнему глядя на меня лишь в отражении. А когда я опустила взгляд, склонился к уху, чтобы едва слышно предупредить:

– Даже не мечтай. У тебя права выбора не будет. Я тебя не для того с собой притащил. Мне вольных самочек и здесь хватало. Если решишь бросить вызов, я его не приму. Просто тебя убью, поняла?

Ничего себе заявление! Наверняка рассчитанное на то, что я устрашусь, а потому буду послушной... любовницей.

И я его разочаровывать не стала, мне лишние подозрения сейчас ни к чему. Кивнула, так и не подняв глаз. Ведь круглоухая, а потому не слишком сообразительная Дея именно такой тип поведения должна выбрать – испугаться за свою жизнь и предпочесть полное подчинение. Однако сам факт того, что в этом обществе женщина может рассчитывать на равноправие и даже иметь право выбора, более чем обнадеживающий. Перспективы есть! Главное, узнать побольше и найти способ держать долговязого субъекта на расстоянии. Хотя бы пару-тройку дней. А дальше уже действовать.

В общем, вместо того, чтобы расстроиться, я, послушно сойдя со «ступеньки» и шагая рядом со своим провожатым, начала продумывать план. Сложно ведь что? Убедить его, что я в общем-то совсем не против его кандидатуры в роли любовника, но не готова к столь стремительным отношениям. Могли же меня воспитывать в строгости и воздержанности? Это же не только от ума зависит. А даже если зависит, «дедушка-то» у меня остроухий был. Мог внуку в правильном русле наставлять. И учить пытался наверняка...

– Тебя что, совсем ничему не учили?! – негодующее шипение и рывок за руку вернули меня из своих мыслей в реальность и впечатали в жесткий корпус Ньевора. – Даже читать не умеешь? Написано же: «Стоять! Идти опасно!»

Изумленно захлопав глазами, я уставилась на зависшую в паре-тройке метров от нас светящуюся голографическую картинку, куда тыкал палец рарка, возмущенного моей вопиющей безграмотностью. Видела я при этом лишь точки, перекрестья черточек и волны. Словно баловался маленький ребенок, толком не умеющий рисовать.

За те несколько секунд, пока я соображала, в чем вообще проблема, нам под ноги скользнула платформа, а картинка изменилась. Значки пришли в движение, плавно изменив конфигурацию. Рарки, стоящие рядом, тут же шагнули на ребристое покрытие. Не дожидаясь ответа, Ньевор потянул меня туда же и, лишь когда платформа медленно поплыла вверх, вдоль отвесной стены, все же вопрос повторил:

– Действительно не умеешь читать?

Видимо, нет. Не учат этому ни ягодки, ни чудодейственный раствор из бутылочки. Потому я лишь пожала плечами и виновато на него посмотрела, в душе радуясь, что моя капсула не ухитрилась приземлиться в каком-нибудь более просвещенном месте. В этом же городе, например. Тут бы я точно на местную не потянула.

С тонких губ сорвался сокрушенный тоскливый вздох. «Настолько тупая?» – так явственно читалось в крошечных глазах, что я с трудом удержалась от демонстрации чего-нибудь, доказывающего мою способность мыслить и соображать. Например, выдать ему принцип работы антигравитационного аппарата, поднимающего эту самую платформу, на которой мы стояли.

Прикусила язык вовремя. Нет уж. Пусть считает меня безнадежно дремучей. Мне до его мнения никакого дела нет. И вообще, не нравится – пусть отпустит на все четыре стороны. Разумеется, предварительно снабдив инструкцией, куда безграмотной селянке можно податься в городе, и одарив хоть какими-то денежными средствами в качестве компенсации за причиненное беспокойство.

М-да... Мечты и оптимизм это, бесспорно, замечательно. Да только в реалии местного мира и менталитет его обитателей они никак не укладываются. Потому что изо всех перспектив, что только что пронесли у меня перед мысленным взором, сбылась всего одна. Мою руку на самом деле отпустили. Однако лишь для того, чтобы по-хозяйски обнять за талию и, успокаивающе погладив по волосам, сообщить:

– По сути, тебе это и не нужно. Будешь дома сидеть, а гулять со мной.

– Спасибо, – выдавила я, не найдя других слов. Надеюсь, издевки в моем голосе он не услышал, лишь благодарность за проявленное снисхождение. А то ведь вдруг тут за безграмотность расстрел на месте положен? Я, вот честно, не удивлюсь.

Странно, кстати, что у меня до сих пор никто документов не потребовал. И вообще не ясно, в какой форме они тут в ходу. На Земле сейчас система генетической идентификации. Надеюсь, что здесь до такого не додумались, иначе меня быстро разоблачат. Правда, и вживляемые чипы – ID-идентификаторы, от которых земляне совсем недавно отказались, тоже не вариант. Как и древние бумажные или пластиковые носители информации. Нет у меня ни первых, ни вторых!

Пока я продумывала, как бы, не вызвав подозрений, это выяснить, платформа замерла, одним краем плотно прижавшись к нише в стене дома, вдоль которого мы поднимались. Вместе со всеми мы с нее сошли и оказались в полукруглом холле с радиально расходящимися коридорами.

– Моя квартира в первом секторе, – предусмотрительно известил меня Ньевор. И даже рукой направление показал, хотя мы именно туда уже и направлялись. То есть он вел. – Дверь вот эта, слева. Номер шесть. Запомни на всякий случай.

Я запомнила – круг, в центре которого жирная точка. Вот и первое достижение. Спорное по своей значимости, но... Но начинать-то с чего-то нужно!

Квартира оказалась не такой уж маленькой. Почему-то мне казалось, что попаду в совсем крошечное пространство, где жить придется в тесном соседстве. Ан нет. Холл, гостиная, столовая, совмещенная с зоной для приготовления, три жилых комнаты и еще две для гигиены. В общем, просторно.

Не произошло и того, к чему я морально готовилась, подыскивала слова, примеряла тактику, изобретала запасные ходы...

– Спать будешь здесь, – на пороге одной из комнат указав на диван, Ньевор провел меня дальше. – Это моя спальня, – сообщил столь же бесстрастно у следующего проема. Развернув меня за плечи, впечатал спиной в стену и строго предупредил: – Ко мне без дозволения не лезть. Еще раз повторяю: я решаю, что и когда между нами будет. А я не желаю торопиться. Самоуверенных и требующих доминирующего положения самок я ненавижу. Попытаешься изобразить из себя такую, удавлю сразу. Ясно?... Есть хочешь? – поинтересовался, когда я потрясенно кивнула.

Вот так... Получается, я не совсем верно его реакции оценивала? Он, выходит, эстет. Гурман. Предвкушение для него так же сладостно, как и обладание. Любит завоевывать, растягивать удовольствие, но чтоб результат был с гарантией. Хм... Впрочем, мне же проще! Если, разумеется, я опять не делаю неправильных выводов из-за отсутствия достоверной информации.

– Ты готовить умеешь? – прервал мои размышления Ньевор. Усадил на стул в столовой и отошел к стене, в нишах которой размещались посуда и коробки с едой. Вытащил одну, встряхнул, проверяя, и, пересыпав содержимое в тарелки, запихнул в радостно загудевший агрегат, установленный рядом на тумбочке.

– Умею, – уверенно подтвердила я, точно зная, что уж с такой-то примитивной техникой справлюсь. Осталось лишь объяснить это удивленно посмотревшему на меня рарку: – У дедушки такая штука тоже была.

– Понятно... – он поморщился. – Штука? А название дедушка не говорил?

– Говорил, – я встала и подошла ближе, заглядывая в прикрытую прозрачной дверцей камеру, где на глазах маленькие сухие гранулы превращались в сочные шарики. Там, похоже, гидратация проходит. Значит, где-то еще и источник воды должен быть. Его и обнаружила сбоку. Улыбнулась про себя и не удержалась от шалости: – Только я не забывала. А нужно было?

Обернулась с вопросом в глазах. Искренним таким, наивным. Мне просто жутко было интересно, что же он ответит!

А он не сразу это сделал. Основательно задумался, словно я ему тригонометрическое уравнение задала. Я за это время успела кнопку выключения обнаружить и датчик готовности. И даже вытащить еду, когда индикатор дополз до максимальной отметки.

– Ты права, не нужно, – наконец, когда мы уселись за стол, рарк соизволил озвучить итог столь долгих размышлений. – Для тебя главное – практика, а не теория. И все же, если в чем-то сомневаешься, спроси сначала меня, а потом делай. Или просто не лезь куда не просят. Поняла?

– Угму... – промычала я с набитым ртом. Вкусно было до умопомрачения. Я даже часть сказанного мимо ушей пропустила. И зря, потому что Ньевор свою мысль продолжил:

– Здесь больше сложных и опасных... штук, чем в твоём поселении. И обращаться с ними – это тебе не спариваться с кем ни попадя.

Я поперхнулась и закашлялась.

– Да не дергайся ты так. Думаешь, волосы распустила, значит, и уши не видны? Я знал, кого в дом тащу... – Ньевор постучал меня по спине, поморщился, замолк, махнул костлявой рукой и выругался: – Щ-щ-щедар! Вот не думал, что докачусь до такого...

Он встал, раздраженно отодвинув стул, неприятным звуком царапнувший ножками пол. Пока рарк наливал что-то розовое из кувшина, я кое-как привела себя в порядок. Вытерла салфеткой испачканные руки и одежду. Скомкала впитывающую ткань, которую долговязый буквально вырвал у меня из рук, вручив взамен стакан.

– Пей, – приказал, выбрасывая грязный комочек в высокую полую тумбу-мусоросборник. Вернулся за стол и продолжил есть, теперь уже молча.

Я лезть к нему с вопросами не стала. Сама разберусь. Нужно только подумать логически. Он определенно на себя разозлился. Почему? Что с моими ушами не так? Признак недалекого ума, это уже понятно. Но при чем тут... секс? Или...

Огненным росчерком резанули слова военного, который меня охранял: «Такую городскому разве что в любовницы». То есть круглая форма ушей свидетельствует еще и об отсутствии контроля за либидо?

Получается, чтобы себя не выдать с потрохами, мне придется изображать не простую глупышку, а охочую до секса, которой безразлично с кем этим заниматься?

Вот я попала-то...

И ведь даже непонятно: есть ли смысл убеждать Ньевора, что девица легкого поведения из меня как бабочка из слона? Шанс в этом преуспеть имеется – можно попробовать, например, отсутствие зашкаливающего влечения к противоположному полу списать на побочный эффект лекарства, которым меня якобы вылечили. Но не спровоцирует ли это большей активности и интереса, проявляемого в моем направлении? Сейчас, похоже, именно моя «доступность», как ни странно, является фактором сдерживающим.

Я полночи потом это обдумывала, прислушиваясь к шорохам в соседней комнате. Хозяин квартиры долго не мог уснуть, ходил за стенкой кругами, даже ко мне заглядывал – его силуэт дважды появлялся в проеме. Межкомнатных дверей здесь не было, лишь легкие, прозрачные занавеси, и та, что закрывала вход в выделенную мне спальню, колыхнулась было, отодвинутая тощей рукой, но тут же вернулась на место. В общем, зайти рарк так и не рискнул.

Поведение, с одной стороны, странное, а с другой... С другой, нет в нем ничего противоречивого. Ньевор – мужчина, и потому имеются у него физиологические потребности. Но он не красавец, и, по всей видимости, остроухие дамочки его отшивают – не на пустом же месте рарк так болезненно-резко реагирует на вопрос о праве принятия решений и выбора. Похоже, отчаялся найти себе девушку, оттого и решил с круглоухой попробовать, раз уж я ему глазки строила и не оттолкнула. Наверняка спонтанно решение принял, а пообщавшись, пришел к выводу, что спать с первой встречной, готовой лечь с любым, да еще и настолько необразованной, что с ней и поговорить не о чем, – для него унижительно. Что, впрочем, моей привлекательности как женщины не снижает. Получается, сам себя загнал в угол.

Мама в таких случаях говорила: «И хочется, и колется...»

Глава 3

В паутине решений

– Ты опоздал, Ньевор. И выглядишь плохо. С девчонкой проблемы?

Сидящий во главе стола, заваленного бумагами и инфоносителями, даг Легор с неудовольствием осмотрел торопливо вошедшего в кабинет подчиненного.

Высокий, нескладный, сегодня еще и одетый небрежно. Плюс темные тени под глазами... А ведь еще вчера выглядел он куда приличнее. Да и в ответ буркнул невнятное:

– Разберусь.

– Сначала с работой разберись, – поморщился начальник. – Надо выяснить, что творится в Рагнаире. По всем районам с данными порядок, а по этому бардак полный. Все отчеты в кучу свалены, никакой системы. В них, похоже, оборотов десять шош не валялся. Да и документы я едва нашел. Притом не все – часть кто-то в архив запихнул, часть, видимо, уже уничтожили. Хорошо, что мы анонимку получили, иначе бы так и не обратили внимания.

– Сопоставляем все имеющееся в нашем распоряжении с тем, что забрали в поселке, и ищем нестыковки? – несмотря на утомленный вид, быстро сориентировался Ньевор, пробегая глазами по столешнице и изучая объем работы.

– Надо понять, что пытались скрыть, – удовлетворенно кивнул Легор. – Чую, тут пахнет глобальной махинацией! А если это так, то...

Он хищно ухмыльнулся, мысленно представляя, как организаторы аферы корчатся в муках на полу тронного зала, а он получает награду из рук дагона. И повышение!

– Приступаем! – скомандовал, показательно засучив рукава.

Начальственный призыв касался не только опоздавшего, но и второго помощника, который до этого лениво читал ближайшую к нему бумагу. Теперь же ему пришлось сосредоточиться и взяться за дело основательно. Но даже после этого к обеденному перерыву количество рассортированных документов с его стороны уступило тем, что ровными стопками лежали со стороны Ньевора. К вечеру перевес стал настолько заметным, что Легор не выдержал:

– При таких темпах, Тракс, мы и к следующему обороту с делом не разберемся. Бери пример с Ньевора – ночка у него была та еще, но как работает, а?!

Комментарий попал в цель. Тракс бросил злой взгляд на равного ему по статусу конкурента, огрызнулся: «С девкой, небось, ни фиги не вышло, вот ему энергию девать и некуда» и с удвоенным рвением набросился на бумаги. Даг же довольно усмехнулся – соперничество он считал куда более эффективным, нежели равноправие. Однако с того момента, как в штате департамента появился Ньевор и одинаковых по статусу помощников стало двое, никак не получалось столкнуть их и вынудить выстроить внутреннюю иерархию, а тут такой повод подвернулся удачный.

Однако долговязый, поглощенный очередным документом, лишь отчетливо скрипнул зубами, видимо решив и на этот раз избежать выяснения отношений, и потому Легор подлил масла в огонь.

– Не вышло? – протянул с деланным сомнением. – Странно. Я слышал, сельские девки безотказные и горячие, мертвого поднимут.

– Значит, даже такая ему не по зубам, – не сдержался и хохотнул Тракс.

Спусковой механизм сработал. Уронив на стол накопитель, который только что вытащил из еще не рассортированных материалов, Ньевор перегнулся через стол, упираясь ладонями в столешницу.

– Ты бы свои умозаключения при себе держал, – прошипел предупреждающе.

– А ты бы мне не указывал, – не внял угрозе оппонент, повторяя его движение.

Даже даг Легор непроизвольно подался вперед. Замер, опасаясь спугнуть прожигающих друг друга взглядами рарков, и, наконец, услышал желанное:

– Вызов! – еще сильнее вытянулась длинная шея, приближая встрепанную темноволосую голову к чуть более светлой, но не менее взъерошенной.

– Принимаю, – растянулись в кривой усмешке полные губы, обнажив белые зубы. – Полный разбор и анализ всей документации по Рагнаиру за три дня!

Ньевор вздрогнул. Условие Тракс поставил практически невыполнимое. Не настолько, чтобы обвинить его в умышленном намерении превысить возможности противника, но оно точно было на грани.

– Принимаю, – зло процедил в ответ и припечатал: – Без права ответного вызова.

Теперь уже побледнел Тракс. При таком раскладе, если противник задание выполнит, реабилитироваться, вернуться на исходную позицию не получится. Придется всю жизнь безропотно отходить в сторону и подчиняться. В то время как у Ньевора, даже в случае проигрыша, останется право бросить ему новый вызов. Вот только отступать было поздно, да и невозможно в присутствии свидетеля, который с явным удовольствием наблюдал за поединком.

– Ты проиграешь! – яростно выплюнул, отталкиваясь от стола. Словно случайно задел стопки бумаг, смешав их и фактически сведя на нет все, что сделал за день.

– Кх-м, – прокашлялся Легор, но его поступок комментировать не стал, лишь подтвердил: – Вызов есть вызов. Тогда, Тракс, завтра мы с тобой поедem на новый объект, а ты, Ньевор, остаешься работать с документами. А сейчас по домам.

– Я могу взять часть материалов с собой? – хрипло выдохнул долговязый.

– М-м-м... не думаю, что это хорошая идея, – отрицательно покачал головой даг. – Тебе определенно надо выспаться. Отсчет времени пойдет с завтрашнего утра, – решил и, посмотрев на скривившуюся физиономию второго помощника, добавил: – Раз уж на то пошло... Тот из вас, кто в итоге получит преимущество,

получит прибавку к зарплате. Думаю, это справедливо при таких жестких условиях.

Тихий щелчок, и владеющая мной легкая полудрема исчезла.

Не открывая глаз, я с удовольствием потянулась, скользя ладонями по гладкому белью. Блаженно вздохнув, зарылась лицом в уютную мягкость подушки... Эх, как же здорово, когда спать приходится не на жестких камнях! И не на сеновале, который, разумеется, приятнее, но колется. Ну да, это уже не первая ночь в комфорте, а третья, но этот факт все равно не мешает мне наслаждаться ощущениями! Теплом. Тишиной. Спокойствием...

Голодное бурчание желудка сбило с мысли, сигнализируя: не все в рассуждениях верно! Есть неучтенный фактор! Который настаивает, нет, требует, немедленного решения.

Впрочем, фактор этот был не единственным. Вторым оказалась потребность избавиться от излишков жидкости в организме. Но не успела я спустить ноги на пол, как возник и третий – желание проверить, действительно ли я осталась в квартире одна. Или щелчок, так похожий на смыкание створок входной двери, имел какое-то иное происхождение?

Третье реализовалось первым – добежав на цыпочках по проема, а потом проскакав по коридору и заглядывая в другие помещения, но все же неуклонно приближаясь к туалету, убедилась – кроме меня, дома никого нет. Ньевор, следуя какому-то одному ему ведомому графику, исчез ни свет ни заря, как и в предыдущие дни.

В общем, очередь желудка подошла последней. И то лишь после того, как я сменила тонкую рубашку-пижамку на домашнее платье. Конечно, по опыту прошлых дней я знала – рарк вернется совсем поздно, но рисковать не стоило.

Кстати, новой одеждой я обязана именно отсутствующему хозяину квартиры. Он ведь, оказывается, первую ночь не просто так не спал – успел заказ сделать. Возможно, даже ко мне заглядывал вовсе не по причине моральных терзаний относительно физиологических потребностей, а всего лишь сомневался, какой размер брать. Но проявил сочувствие и будить не стал. Оттого утром метался по

квартире, спешно собираясь на работу, хоть и злой, потому как невыспавшийся, а все равно выкроил несколько минут на то, чтобы сбегать к доставке и купленные вещи мне принести.

– Старое выбросить! – приказал непререкаемо, бросив пакет поверх одеяла, которое я на себя натягивала. И исчез. Я даже спасибо сказать не успела.

А вечером, когда попыталась это сделать...

– Чего? – Ньевор посмотрел на меня таким непонимающим взглядом, словно это его двойник утром проявил невиданную щедрость, а не он. – Одежда? Уй... – болезненно скривился, будто я на мозоль ему наступила. – Дея, не лезь ко мне со своими женскими глупостями. Если я что-то делаю, значит, так надо. И вообще... можешь помолчать? Мне надо подумать.

Я и молчала весь ужин, пока он думал. Потом мы спать легли. Утром я не заметила, как рарк ушел, а пришел еще позднее, чем в предыдущий день. И я не рискнула лезть к нему – мрачному и ушедшему в себя, едва ковырнувшему вилкой еду и тут же отправившемуся в спальню. А когда на следующий день все повторилось, задумалась: либо рарки все ненормальные, либо мне достался какой-то странный. Хотя не исключен и третий вариант – у Ньевора какие-то проблемы, потому он и не в себе. Но что из этого верно... оставалось лишь гадать.

А как гадать, не имея информации? Никак. Вот потому я, благо времени было достаточно, этим и занималась. То есть активно изучала окружающее пространство. Планировку, мебель, технические устройства, домашнюю утварь... Я даже рискнула выйти в общий коридор и прогуляться до той самой платформы, которая поднимала жильцов к их апартаментам.

Открытий для себя сделала немало. Больше, конечно, умозаключительных, нежели фактологических, но даже это уже прогресс. Итак...

Первое. В жизни на верхних этажах нет никакого престижа. Иначе местная мадам, в ожидании платформы, не выговаривала бы своему спутнику: «Последний оборот я это терплю. Если не купишь квартиру в нижнем ярусе, обо мне можешь забыть».

Второе. Один из коридоров заканчивается открытым балконом, а с него далеко внизу видна площадь с парком, по которому мы с Ньевором шли. Может, конечно, другая, потому что чуть дальше виднелась еще одна, но очень похожая. И несмотря на то, что, кроме меня, желающих провести время на балконе не наблюдалось, я с удовольствием подставляла лицо теплову ветру и рассматривала крошечные движущиеся точки. В общем, негатива по отношению к высотному месту жительства я не разделила.

Третье. Рарки – существа абсолютно безбашенные в плане сохранности личного имущества, потому что дверей не запирают. Нет у них замков! Нигде! Ни на дверях в квартиры, ни на шкафах! А комнаты совсем без дверей. Даже гигиенические. Такое впечатление, что в этом мире единственный замок – на ящике стола в доме старика, где была спрятана коробка с загадочным флакончиком.

Четвертое плавно вытекло из третьего. А именно: я порылась в самых разных... легкодоступных местах в пределах жилплощади Ньевора (заходить в соседние квартиры не рискнула) и убедилась – читать я не умею категорически, а наглядные картинки рарки в письменности не используют. Потому как нашлась уйма информационных пластин, оставшихся для меня тайными манускриптами.

Пятое. Техника тут... Ну нормальная техника! Я не ошиблась, когда причислила рарков к развитой в этом смысле цивилизации. Беспроводная передача энергии, антигравитационные механизмы, ультрамикروпроцессоры, волновые излучатели, силовые компрессоры, вакуумные нагнетатели... Опять же обратимая дегидратация... Просто рай для специалиста! То бишь меня.

Разобраться с назначением и принципом работы большинства бытовых приборов труда не составило. И даже несмотря на то, что в присутствии хозяина я упорно делала вид потрясенный и опасливый (исключение составлял тот самый кухонный агрегат, название которого мне так и не удалось выяснить), в его отсутствие я нагло пользовалась благами цивилизации.

Впрочем, моя наглость держалась в рамках инстинкта самосохранения. Быть застуканной на месте преступления я не хотела. И потому все делала с оглядкой.

Вот и сейчас, после завтрака, прежде чем удобно расположиться на диване в бордовой гостиной и включить визор – то бишь устройство, транслирующее новости и развлекательные передачи, – я рассыпала перед входной дверью сухие питательные гранулы. Так у меня есть шанс узнать о возвращении хозяина квартиры. Бесшумно мимо такой ловушки Ньевор не проскочит, а если я закончу просмотр раньше, то все соберу, он и не заметит. По крайней мере, в прошлые дни убирать успевала до его появления.

Местный аналог нашего земного головидения был не таким уж реалистичным. Изображение, хоть и голографическое, но плоскостное, не объемное. Цветовая насыщенность не самая высокая. Контурные контрастные и четкие только при стабильной картинке, а при смене кадров сразу «плывут». Звук – моно, не стерео. В общем, создателям сего «шедевра» еще есть над чем работать. Тем не менее для меня в настоящий момент это был единственный источник информации! С которого я не сводила глаз, запоминая, вслушиваясь, вдумываясь и анализируя.

– На орбитальной станции вводится в эксплуатацию новый рабочий модуль, предназначенный для ремонта и тестирования патрульных крейсеров. В сфере оптимального использования космического пространства Ракис вновь лидирует среди других планет, – лучезарно улыбаясь, вещала сидящая за столом симпатичная остроухая темноволосая дикторша, в идеально пошитом лиловом деловом костюме. За ее спиной на фоне звезд и космоса медленно вращалась эта самая станция и на пару мгновений попала в кадр полусфера с бежево-коричневой поверхностью, испещренной белесыми штрихами.

Планету я узнала сразу. Ведь именно она появилась на экране дискоида, когда рарки на нас напали. Именно на ней я сейчас находилась. А теперь и название мне известно. Ракис...

– Очередной совет правящей тетрады состоится через десять дней и продлится стандартные сутки. На Лангосте и в прилегающем секторе космоса в это время будет действовать режим повышенного уровня безопасности.

М-да... Они и так палят по всем без предупреждения. Боюсь представить, что означает этот «повышенный уровень». Не меньше, чем уничтожение угрозы до того, как у нее самой возникнет мысль, что она может стать таковой.

Появившееся на экране изображение сине-красной планеты сменилось колоритным пейзажем: коричневые горы с белыми вершинами, море растительности цвета морской волны и мегаполис на горизонте.

Видимо, у рарков несколько населенных планет. Две как минимум. Хотя если подумать... правящая тетрада... Возможно, это означает, что есть четыре планеты, у каждой из которых свой правитель, но общее правление.

– Согласно сводным данным Департамента аналитики и статистики за последний оборот по поставкам и вкладу в экономику Ракиса лидирует провинция Гохор, где объем добычи шритовой руды превысил их собственный рекорд, поставленный три оборота назад. Дагон Зирьер Вайс выразил благодарность дагам и работникам своего региона, а также надежду на высокие показатели в будущем. Второй в рейтинге стоит провинция Шиссар, поднявшаяся сразу на шесть позиций по сравнению с прошлым оборотом. Дагон Пурс Кьер официально заявил, что это не предел и работа продолжается.

Ага... То есть планета разделена на провинции, и во главе каждой – дагон. А «даг» это, по всей вероятности, еще один начальственный статус чуть более низкого уровня.

– Традиционно, со времени начала ведения статистики, последнюю строчку рейтинга занимает провинция Рагнаир. Однако дагон Дьер Шайхот заверяет, что прикладывает все силы, чтобы ситуация изменилась. Напоминаем, что двадцать шесть оборотов назад, при назначении на должность, на него, как на одного из сыновей правящей тетрады, были возложены особые полномочия. Так что мы все ждем результатов.

Упс! «Отдашь только дагону Дьеру Шайхоту» – как наяву резанул по сознанию голос старика, а я мысленно застонала. Ничего себе требование! Где я и где этот... дагон! Да еще и приближенный к правящей верхушке! Меня ж к нему на пушечный выстрел не подпустят! Ну и как я обещание буду выполнять?

Никак – холодным душем окатило осознание. У меня нет для этого ни возможностей, ни того самого флакона, ни даже способа вернуться, чтобы его забрать. Если он вообще цел.

Придется мне смириться с тем, что я буду вечной должницей перед рарком, который... А, кстати, что он сделал? Заставив втереть жидкость, закрепил возможность понимать и говорить? Да, похоже на то. Но именно похоже. Может, она и так у меня бы не пропала. Гадать тут бессмысленно.

Не только новостная программа оказалась информативной в плане познания менталитета рарков. После нее начался фильм, хотя, скорее, сериал, потому что менялись короткие сюжетные фрагменты, а основные действующие лица оставались теми же. И вот тут стало понятно, что имел в виду Ньевор, когда говорил про некий вызов.

Оказывается, у ушастых типов все в жизни строится на жесткой иерархии. Либо подчиняешься и уступаешь ты, либо тебе. Равенство возможно лишь как временный, промежуточный этап, и то условное – в случае если встречаются два рарка, которые ранее не взаимодействовали. А дальше начинается выяснение «кто круче». Своеобразный спор. В некотором смысле пари. И вот как раз это выяснение и есть вызов. Его можно принять – соответственно выиграть или проиграть, бросить свой или ответить встречным, отказаться, проигнорировать, уступить... Ничуть не меньше было и форм: от физической борьбы до интеллектуальной дуэли.

В общем, вариаций оказалось так много! Трудно было предсказать, какой тип «вызова» выберет главный герой, который из серии в серию только этим и занимался, поднимаясь по служебной лестнице, уничтожая врагов и добиваясь расположения дам. Последние, кстати, в стороне не оставались и лезли грудью четвертого размера на амбразуру ничуть не менее активно. То есть вызовы тоже бросали. Правда, чаще проигрывали, поэтому сколько их перебивало в постели местного мачо, я точно сказать не могла – перестала считать после первого десятка.

Прояснился и мучающий меня вопрос высокой частоты, с которой рарки хватаются за оружие и практически не раздумывая применяют по прямому назначению. Просто закон им это позволяет. Принцип в нем заложен такой: уверен в необходимости – пожалуйста, стреляй. Но если ошибся и действовал необоснованно, следующей мишенью будешь ты сам.

Как они вообще еще живы, с такими законами... Не понимаю.

Задумавшись об этом, я так глубоко ушла в себя, что о реальности забыла. О том, что вечер неуклонно приближается, потому что атмосферная дымка за окном уже тускнеет. О том, что головизор продолжает работать, демонстрируя очередную красотку, флиртующую с местным кобельеро. О том, что нужно успеть приготовить ужин...

Спихватилась, когда до сознания дошли неестественные звуки: хриплая ругань и треск лопающихся гранул.

Осознав ужас своего положения, подорвалась и заметалась по комнате. Рванула в коридор, чудом ухитрившись щелкнуть выключателем головизора, и, не успев затормозить, впечаталась в грудь прущего мне навстречу Ньевора. Причем злующего до крайности, потому что пальцы намертво вцепились в мои плечи, толкая обратно, а на голову обрушилось:

– Ты с кем там разговаривала?!

– Ни с кем! – жалобно пискнула я, но, по-моему, это было совершенно бессмысленно.

Гневно сопящий рарк испепеляющим взглядом окинул помещение, естественно, никого не обнаружил и снова пошел в наступление:

– Кто с тобой был?! Я же слышал!

– Никого не было! – взвизгнула я от страха, и, наверное, из-за него же мозг моментально придумал оправдание: – Я пела!

– Что?... – изумился, отступая, Ньевор. Похоже, от такого признания он опешил куда сильнее, чем если бы обнаружил в комнате десяток мужчин.

– Пела! – сообразив, что терять мне все равно нечего, нагло отрезала я. – Ля-ля-ля... – сфальшивила фальцетом. – До-о-о... – последнее выдала басом, чтобы окончательно снять подозрения.

– Зачем? – потрясенно выдавил рарк, часто моргая. Одна из его рук с моего плеча медленно переместилась на ремень брюк, и я решила обороты снизить.

Несколько секунд помолчала и, шмыгнув носом, спокойно ответила:

– Скучно.

Вполне вероятно, что на этом скандал бы и завершился, если бы Ньевор не вспомнил о гранулах.

– А сублиматы рассыпала тоже потому, что скучно?! – рявкнул, вытаскивая меня за шкирку обратно в коридор.

– Я случайно. Хотела убрать. Пошла искать тряпку, отвлеклась и забыла.

– Гр-р-раш! – сердито выругался рарк. Отпустил меня и, неуклюже подпрыгивая, быстро прошел в сторону кладовой. А когда вернулся, вручил в руки впитывающую ткань и приказал: – Убирай!

Я именно этим и занялась, ползая на коленях по полу и сгребая в кучу уцелевшие и раздавленные шарики. Ньевор, по-прежнему неуклюже, заваливая ботинки на ребро, чтобы не разносить по квартире прилипшие к подошве гранулы, направился сначала в ванную, потом, уже без обуви и носков, босыми мокрыми ногами прошлепал к себе переодеваться.

Выбросив мусор в утилизатор, я поспешно принялась за готовку. Естественно, не успела.

– Ты даже ужин не сделала?! – рявкнул мужской голос за спиной. Вернее, прямо в ухо.

Я подпрыгнула. Рефлексы сработали, сама не ожидала. А в итоге...

В итоге новая, только что открытая коробка, которую я держала в руках, дернулась так сильно, что заполняющие ее гранулы оставаться внутри уже никак не могли. С радостным перестуком покатались по столу и не менее активно поскакали на пол.

– Прос...

Не договорила. Вернее, не дали. Видимо, произошедшее стало последней каплей, и Ньевор сорвался окончательно.

– Ты издеваешься? – взвыл, выхватывая коробку и швыряя ее в мусорку. С той же силой оттащил меня от стола и впечатал в стену. – От тебя одни проблемы! – проорал в лицо. И даже то, что я зажмурилась и вжала голову в плечи, меня не спасло. – «Я все, что скажете, буду делать: убирать, готовить, шить. Я буду хорошей помощницей». Твои слова?

Мне показалось, это был вопрос. Увы. Мое тихое: «Я стара...» он не услышал.

– Я тебя не для того забрал, чтобы влипнуть в неприятности! И дома от тебя никакой пользы! Ты настоящее бедствие! Или от того, что спариваться не с кем, у круглоухих вообще мозги отказывают? Так это легко исправить.

Схватив меня за руку, поволок в коридор. Нет, в спальню. А я в шоке от его действий, от напора, с которым этот щуплый на вид субъект на меня набросился, но больше, наверное, от непонимания – что ж он так трепетно к этим гранулам относится?! – даже сказать ничего не могла.

Упав на кровать спиной, потянула было вниз задравшуюся юбку, которая и так-то не слишком сильно закрывала ноги, но жилистые мужские пальцы, одним движением схватив ткань на груди и рванув на себя, оставили от платья лишь два разорванных куска. И это при том, что ни намек на вождение в маленьких темных глазках не было, лишь злость и раздражение. Даже когда на обозрении оказались обычно для мужчин привлекательные... части тела.

Наверное, от смущения, потому как нижнего белья на мне не было, я дернулась, переворачиваясь на живот. К сожалению, поза оказалась не самой удачной для спасения. Подхватив за бедра, Ньевор резко меня поднял, поставив на колени. Удерживая одной рукой, другой начал расстегивать ремень.

И я... Я застонала. От собственного бессилия, от понимания, что нет у меня возможности что-либо изменить, от безысходности...

А потом поняла, что Ньевор остановился. Замер, прекратив раздеваться. Неожиданно резко меня оттолкнув, перекатился на бок и слез с кровати, рывкнув:

– Убирайся! Немедленно! Вон из моего дома, пока жива! И чтобы я тебя больше не видел!

Трясущимися руками я схватила то, что осталось от одежды. Прижав к себе, выбежала в коридор и лишь там попыталась ее на себя натянуть, оглядываясь на проем, из которого вот-вот мог появиться разгневанный рарк. Поняв, что занятие бессмысленное, прошмыгнула в комнату, чтобы надеть хотя бы ночнушку. Огляделась в поисках обуви, потому как домашние туфли благополучно свалились с меня в спальне...

– Ты еще здесь?

Уже нет.

Как есть, босиком, в тонкой рубашке и, сжимая остатки платья в руках, я скользнула мимо Ньевора на выход. О том, куда именно бегу, в тот момент даже не думала. Наверное, потому, оказавшись за дверью, метнулась туда, куда чаще всего ходила эти дни, – смотровой балкон.

По сути, больше мне и некуда было бежать. На платформу? Она ночью редко ходит, это я от недовольных жителей «поднебесья» слышала. Но даже когда дождусь, что дальше? Вниз, в неизвестность? Ночью, да еще и в таком потрепанном виде? Не зная, как на меня среагируют другие? С их менталитетом всего можно ожидать. Есть, конечно, еще один путь...

Вцепившись в перила, я заглянула в темный клубящийся туман, скрывающий в себе неясные огни отраженного от окон света, и отпрянула. Нет уж. К нему не готова точно.

Опустилась на пол, сжалась в комочек, больше не сдерживая рыданий, которые до этого безмолвными приступами сотрясали тело. Какая же я все-таки дура! Гранулы рассыпала у дверей, еще и радовалась, какую удачную хитрость придумала. Идиотка! Вот он, результат.

Уткнувшись лицом в мягкий ком, когда-то называвшийся платьем, я так и сидела, вздрагивая каждый раз, когда из общего коридора до меня доносились какие-то звуки.

Металлический лязг скрепляющейся с этажом платформы. Чьи-то торопливые шаги, эхом отражающиеся от стен. Смех, кажется идущий с балкона, где-то еще выше. Далекий стрекот от неведомого мне источника. И на грани восприятия, хриплое: «Дея?»

Встрепенулась, напряглась, вслушиваясь, готовая то ли снова бежать, то ли забиться куда-нибудь подальше. Но больше ничего тишины не нарушило. И голову я опустила. Показалось.

Наверное, даже незаметно задремала, потому что неожиданно очнулась от громких голосов, раздавшихся совсем рядом.

– Не хочу возвращаться, здесь проще.

– побыстрей. Я жду.

Первый голос был женский, и именно девушка спустя мгновение впорхнула на балкон. Молодая, одетая в нарядное платье до колен, с наброшенной поверх него короткой пелериной. На меня она бросила лишь краткий взгляд и спокойно села на узкую скамеечку, выступающую из стены. Закинув ногу на ногу, стянула туфельку и принялась поправлять, видимо, неудобно надетый мысок колготок. Она ничуть не удивилась тому, что кто-то решил здесь ночевать. И даже мой облик ее не смутил. Или она только вид сделала?

– Овриса, ты скоро? Опоздаем, – поторопил второй голос, мужской, и незнакомка, быстро вернув обувь на ногу, тут же вскочила.

– Все, все, иду...

Я ее по-прежнему не интересовала. Возможно, моя потрепанная персона также не заинтересовала бы и тех, кто оказался рядом, реши я все же спуститься на платформу и куда-то пойти. Но сейчас встать и двигаться казалось мне нереальным. Тело задеревенело, как в горах на камнях, в душе царил полное опустошение, сил не было совершенно. Их хватило лишь на то, чтобы откинуть голову и снова закрыть глаза.

Мне было хорошо. Почти. Мешал взгляд. Пристальный, жесткий. И дыхание. Тяжелое, шумное.

Я лениво подняла веки. Фон уже светлеющего неба темным силуэтом перекрывала ломаная, неуклюжая фигура.

Ньевор.

Мелькнувшая мысль и... И ничего. Организм реагировать не пожелал. Появление рарка меня не удивило. И не ужаснуло. Мне было все равно. Меня не интересовало, зачем он пришел, почему, что будет делать...

– Ты здесь.

Прозвучало это не как вопрос. Утверждение. Не злое, не раздраженное. Просто факт.

– Я не в... твоём доме.

Не знаю, почему я это сказала. Я вообще не хотела говорить. Но слова сами по себе сорвались с губ.

– Это вызов? – удивленно вскинулись тонкие брови.

Вызов? Какой еще вызов? Логика я не поняла.

И снова мое подсознание среагировало до того, как я определилась:

– Ты сказал, что его не примешь.

Совсем краткий миг молчания, и уверенное:

– Ты уже не в моем доме.

Э-э-э... И что? Как это связано? И вообще, чего это он так улыбается?!

– И я его принимаю, – продолжил Ньевор, приседая, чтобы оказаться со мной на одном уровне.

Окончательно прекратив попытки хоть что-то понять, я пожала плечами. Вернее, нервно передернула, то ли от холода, то ли от озноба. Только сейчас заметила, насколько сильно замерзла.

Увидел это и рарк.

– А ну-ка...

Подавшись вперед, он с легкостью взвалил меня на плечо и без видимых усилий поднялся на ноги. Поза оказалась не самой удобной – я чувствовала его кости, упирающиеся мне в живот, – но сил спорить и требовать поставить меня обратно не было.

К счастью, и терпеть пришлось недолго. Дальше своей квартиры нести меня Ньевор не собирался. А когда опустил...

Наверное, мой визг в этот момент точно переполошил соседей, а рарка оглушил. Последнему досталась не только звуковая атака, но еще и водный душ. И причина была простая до банальности – холодными ногами встать в горячую воду! Немудрено, что я выпрыгнуть попыталась. И Ньевора обрызгала.

То есть он опять разозлится?

На этой мысли я замерла, непроизвольно вцепившись в плечи удерживающего меня рарка. Вот только ожидаемой реакции не последовало. Совсем иная.

– Потерпи, – спокойно приказал он. – Это только ощущения. Вода едва теплая. Сейчас привыкнешь.

«Прав, прав», – билась в мозгу судорожная мысль, в такт толчкам крови и жгучим иглам, принявшимся терзать тело.

И все равно я не выдержала, тихонько заскулила, когда руки мужчины надавили, заставив полностью опуститься в углубление в полу ванной комнаты, постоянно

заполненное водой, обновляющейся после каждой «помывки». Она действительно всегда была теплой, а увеличить или уменьшить ее температуру можно было регулятором на стене.

– Грейся, я сейчас приду.

Отсутствовал он долго. То есть «сейчас» растянулось... ну, наверное, на полчаса. Возможно, больше. А может, это было субъективное ощущение?

В любом случае за это время я действительно согрелась и даже сделала воду чуточку горячее. Задумалась было насчет одежды – Ньевор ведь меня прямо в ночнушке купаться отправил, – но решила ее не снимать. Не хватало еще смущать рарка. И самой краснеть со стыда.

Конечно, в мокрой тонкой тряпочке, облепляющей тело, я тоже не выгляжу особенно целомудренно. Но все же это лучше, чем ничего.

Вместе с теплом в организм вернулась энергия. Уже и спать не так хотелось, и мозг наконец проявил сообразительность, прагматично сопоставив мой невнятный лепет, ответы рарка и все то, что я успела об этой расе узнать. В общем, как ни крути, а выходило, что я действительно ухитрилась бросить вызов Ньевору. А он его принял, потому что его же собственное прежнее заявление, что я не имею права что-либо требовать, утратило силу, когда он меня выгнал. Осталось понять, какими рарк увидел условия нашего с ним пари, раз обрадовался и так кардинально изменил свое поведение. Я вроде ничего детального не просила.

Теперь мне не хватало двух вещей. Окончательного ответа и... еды! Я ведь так и не поужинала. Вопрос с одеждой, конечно, тоже стоял, но не так остро. В конце концов, можно завернуться в полотенце...

Последнее не понадобилось. Вернувшийся Ньевор держал в руках пакет, сквозь который просвечивала ткань приятного синего цвета.

– Сама справишься? – поинтересовался и, едва я кивнула, тут же исчез, оставив пакет на тумбочке.

Сгорая от любопытства, я стягивала мокрую ночнушку, вытиралась и сушила волосы, вскрывала упаковку... Одеждой оказался теплый длинный халатик с поясом, а мои домашние тапочки ждали меня в коридоре за занавеской. Так что босиком идти мне не пришлось. Зато пришлось остановиться, делая выбор – куда именно направиться.

– Завтракать! – развеял мои сомнения строгий голос, доносящийся с кухни.

Вошла я с опаской. Может, в голове у этого рарка что-то и щелкнуло, сместив акцент поведения с агрессии на доброжелательность, но откуда я знаю, на какой срок сохранится эффект?

– Пришоединяйша, Дея.

Жующий Ньевор дернул головой в сторону свободного стула, перед которым на столе стоял стакан с соком и полная тарелка, и продолжил ковырять ложкой свой завтрак. В итоге его он съел раньше, и потому доедала я уже под пристальным взглядом маленьких черных глаз, отслеживающих каждое мое движение.

– Ну и что нам с тобой теперь делать? – неожиданно сокрушенно вздохнул рарк.

Я подавилась. Пока откашливалась, пила сок, вытирала выступившие на глазах слезы, Ньевор терпеливо ждал. А когда я выдавила потрясенное: «Нам?», растянул губы в вымученной улыбке.

– Ты же хотела равных прав на одной территории.

Э-э-э... То есть тогда, на балконе, мой ответ: «Я не в твоём доме» на его: «Ты здесь» означал заявление, что вне своей квартиры он мне не указ? А потому я могу сидеть где хочу? И он решил, что я вернусь обратно, ну или он меня вернет, только на условиях равенства?

– Разве равноправие между нами возможно? – не нашла ничего лучше, чем спросить. И тут же пожалела, потому что Ньевор нахмурился.

– Ты снова бросаешь мне вызов? Дея, притормози. Первый я принял без ответных условий, понимая, что сам виноват, погорячился. Второй обойдется тебе дороже.

Упс... Я зажала рот рукой и вторую приложила для надежности. С этим рарком лучше вообще молчать, раз он любой вопрос как сомнение в его возможностях воспринимает. С другой стороны, я сама сглупила, не подумала, что «равные права на территории» – это очень узкая степень свободы, а вот «равноправие» наверняка рассматривается в самом широком смысле.

– Так что же нам делать? – повторил Ньевор, но я лишь крепче прижала руки ко рту и помотала головой.

Ну нет, больше я ничего не скажу, целее буду.

– Ладно, извини, – рарк болезненно скривился и запустил пятерню в волосы, окончательно разворошив челку. Посмотрел на меня из-под руки и признал: – Понял я, понял, что ты меня не провоцировала. Просто по дурости ляпнула. Теперь буду это учитывать. Говори, не бойся.

Пришлось поверить. И рискнуть. Потому что, если бы я поступила иначе, он бы наверняка еще что-нибудь себе напридумывал.

– Может, просто жить? – осторожно предложила. – Пусть все идет само собой. Ты будешь работать, я дома... – запнулась, вспомнив рассыпанные гранулы и скандал. Но все же договорила: – За порядком следить.

– Я о другом вообще-то спрашивал. – Ньевор наконец оставил в покое свою шевелюру и, уперев острые локти в столешницу и переплетя пальцы, опустил на них узкий подбородок. – Ты ведь захочешь со мной... – он стушевался, явно подыскивая слова, – отношений.

О как! Значит, с другими это называется «спариваться», а с ним – «отношения». Мило.

Потому, наверняка из чувства противоречия, а может из-за невесть откуда взявшейся обиды, я сказала то, что, наверное, сказала бы настоящая Дея:

– А если захочу, ты будешь против? Я тебе настолько противна?

Ляпнула и ужаснулась. Это уже не вызов, это оскорбление. Вот кто тянул меня за язык?!

Поспешно сползла со стула. Теперь над столешницей остались только мои глаза, внимательно наблюдающие за рарком. А тот приоткрыл рот, растерянно похлопал короткими ресницами и неожиданно засмеялся:

– Вылезай, Дея.

Он даже встал и протянул руку, чтобы мне помочь.

Игнорировать галантный жест я не стала, а когда поднялась, получила сомнительный комплимент.

– Какая ты все же глупая.

О, как в этот момент мне хотелось воскликнуть: «Это вызов?» А потом наглядно ему доказать, что интеллект круглоухих может дать фору даже таким умникам, как он.

Сдержалась. Я еще слишком мало знаю о рарках и совсем ничего о самом Ньеворе. Вдруг за такие отклонения у них тут положен расстрел на месте? Конкуренции они не любят.

Пока я мысленно фыркала, возмущалась и сама же себя успокаивала, рарк потянул меня за руку, вынуждая шагнуть к нему ближе. Я напряглась было, но обниматься он не полез, лишь по волосам погладил и выдал:

– Ты очень красивая, Дея. Но, понимаешь, для меня этого мало. Чисто физическая разрядка, сброс напряжения это, конечно, важно, но... неправильно. Интимные отношения в первую очередь должны строиться на притяжении душ и лишь во вторую – тел. Секс без чувств это унижительно. И мне хочется быть уверенным, что ты со мной не потому, что тебе нужно удовлетворение, а потому, что именно я тебе нужен. Хоть немного.

Ну все. Приплыли. Получается, достался мне романтик и идеалист. То есть я, такая вся развратная, готова хоть сейчас затащить его в постель, а он принципиально без любви ни-ни! Даже не поцеловать!

Вот и что делать?

Что, что?... Радоваться. Будь Ньевор другим – таким же неразборчивым, как герой того самого популярного у рарков сериала, – проблем у меня было бы несоизмеримо больше. А так все обошлось лишь нервотрепкой и непонятками, которые благополучно прояснились.

И ведь его позиция мне нравится! Даже не в том смысле, что она удобна и страхует меня от принуждения, а потому, как созвучна с тем, что я сама про личные отношения думаю! Я ведь тоже любить хочу и быть любимой. Жаль, что ему об этом не скажешь... Не поверит.

– Молчишь, – разочарованно вздохнул Ньевор.

Отпустив мою руку, он отошел к окну, оперся на подоконник и замер, глядя куда-то вдаль. Видимо, решил, что разговор бессмысленный. На Земле говорят: «Горбатого могила исправит», а на Ракисе, наверное, в ходу: «Круглоухого не переделать».

Глядя на нескладную фигуру в тонком, невнятного серого цвета вязаном свитере и коричневых бесформенных брюках, – он ведь как в таком виде пришел вчера, так и не переоделся, – я никак не могла определиться с ответом. Заверять, что я не такая, как он обо мне думает, опасно – он ведь примется за мной ухаживать, рассчитывая на дальнейшую взаимность. Сказать, что я его понимаю, но сделать с собой ничего не могу, еще опаснее – Ньевор во мне разочаруется окончательно, и тогда вообще неясно, как в отношении меня поступит. А мне ведь выжить нужно. И домой улететь. Без его помощи вряд ли получится. Первое точно.

– Может, нам для начала попробовать узнать друг друга получше? – рванула в бой, когда отыскала золотую середину. – Сложно принимать решения вот так, совсем ничего не зная.

Обернулся. Вслушиваясь в мои слова, голову набок наклонил – смешно, птичьей, став похожим на ушастую тощую ворону. На миг мне показалось, что в черных глазах мелькнуло удивление, и я забеспокоилась – не слишком ли рассудительная для дурочки-Деи фраза получилась. Но ничего, обошлось.

– Правильно. Не будем форсировать события. – Ньевор кивнул и оттолкнулся от подоконника. Посмотрев на белую настенную панель, где медленно перетекали одна в другую черные черточки и геометрические фигуры, сообщил: – Мне на работу пора. Идем, я покажу, как пользоваться волнором, чтобы тебе не скучно было. Надеюсь, не испортишь.

Последнее пробормотал совсем тихо, и я сделала вид, что не расслышала. А потом радовалась, потому что «волнором» оказалось то самое устройство видеотрансляции. И теперь я могла его смотреть на законных основаниях, не таясь.

Правда, злоупотреблять разрешением я не стала. Сначала убралась на кухне, потом занялась комнатой Ньевора – там не только на кровати все оказалось скомкано, но и на полках шкафов порядка было мало. Я даже ужин решила сделать заранее и уделить этому процессу больше внимания, чтобы хоть немного порадовать Ньевора. Мужчина должен хорошо питаться, нормальными продуктами, а не сидеть на одних сублиматах, пусть даже с разными вкусами. Этот «продукт» только поначалу казался мне шедевром кулинарии, а за три дня изрядно надоел. Я даже сегодня завтракала без особого аппетита, несмотря на голод. Не представляю, как Ньевор ест это постоянно. Ну и стоит ли удивляться после этого, что он такой тощий? И злой.

В общем, перво-наперво я изучила пространство кухни с той же тщательностью, с которой до этого осматривала шкафы в комнатах. Нашла убранные с глаз долой, видимо за ненадобностью, аналоги терки и разделочной доски. На задворках антресоли с мисками, обнаружили сковорода и кастрюля. Ничего принципиально нового тут не изобрели. Вот ведь! Чужая планета, иная цивилизация, а направление мышления сходное!

С продуктами оказалось не так просто. Свежих я вообще не нашла, из сухих были только сублиматы, а на «натуральность» условно тянули лишь герметично упакованные в вакуумные формы, неведомые мне плоды, корешки, куски... возможно, мясные. Надписи на них были, да только толку, если я читать не умею?

Пришлось экспериментировать. Вскрывать, нюхать, пробовать на вкус, прикидывать – сырым его едят или жареным, или вообще варить надо. А потом запоминать и, открыв следующий, задумываться о сочетании...

Негусто оказалось и с приправами. Если соль я нашла, аналог сахара тоже, то никаких специй у Ньевора не водилось. Увы. Но все же я придумала выход – сублиматы-то очень даже ароматные! Причем по-разному. Вот их и растерла в порошок. Что-то добавила в воду, отваривая ярко-красные тонкие корни, что-то просто сверху посыпала, на некое подобие салата из овощей, что-то как панировку использовала, чтобы обвалить и обжарить «брусок», похожий на мясо. Оставалось надеяться, что не испортила.

Времени на готовку ушло больше, чем я думала. Жаркое все еще шкворчало на сковороде, в кастрюле булькала розовая жидкость, а дымка за окном уже начала тускнеть, неся понимание – никаких передач по волнору я сегодня так и не посмотрю.

Накатившее было сожаление я подавила. Вот нашла из-за чего расстраиваться! Мне важнее наладить контакт с Ньевором, а упущение в плане новой информации я завтра наверстаю.

С этой мыслью и на новой волне энтузиазма я принялась за последнюю фазу готовки. Сервировка, она ведь важна ничуть не меньше...

– Что происходит? – потрясенный мужской голос прервал меня в самый разгар «битвы» с приборами, когда я решала, класть вилки и ножи так, как принято на Земле, или это ноу-хау покажется рарку подозрительным.

– Ой! – обрадовалась я. – Ты как раз вовремя! У меня все почти готово, я только не знаю, как...

Не договорила, осеклась, потому что на лице мужчины так и не появилось радостного выражения. Я видела лишь недоумение, когда его взгляд изучал стоящие на столах блюда.

– Откуда? Неужели... – сорвалось с тонких губ, и Ньевор бросился к тому самому шкафу, где я обнаружила весь этот продовольственный запас.

Распахнув створки и увидев опустевшие полки, рарк схватился за голову, стиснул зубы и застонал. А я испугалась. Это было несъедобно? Или я неправильно приготовила? Или все это предназначалось для кого-то другого?

– Ты зачем их взяла?! – не сдержался и вспылil Ньевор. – Тебе сублиматов мало? Что ж ты вечно лезешь, куда не просят? Нет бы подумать для начала! Или хотя бы спросить... – не договорил, как и я минуту назад. – Дея?... Дея... Дея...

Имя он несколько раз повторил, сначала вопросительно, потом растерянно, наконец просительно-извиняюще. Последнее синхронно с моим надрывным всхлипом.

– Дея, ну прости.

Ладони крепко обхватили за плечи – расстроенная, я даже не заметила, как Ньевор подошел. Потянул на себя, заставляя уткнуться носом в жесткую ключицу и намочить слезами свитер.

– Я стара-а-алась... – от нежданно проявленного сочувствия я разревелась окончательно.

– Знаю, – вздохнул рарк. – Мне надо было учитывать, что натуральная пища для сельских – привычное дело, а сублиматы, наверное, наоборот – редкость. Просто последние дни на взводе, вот и срываюсь. Извини.

– У тебя проблемы? – заволновалась я и, все же преодолев прижимающую меня силу, отстранилась.

– А у кого их нет? – криво и совсем невесело усмехнулся Ньевор, отвечая вопросом на вопрос. Убрал руки с моих плеч, оглянулся на стол и признал, наконец-то отреагировав на манящие запахи: – Пахнет умопомрачительно... Давай ужинать, не пропадать же продуктам, раз ты их приготовила. Кстати, – спохватился, усаживаясь. – Когда я вошел, у тебя такой вид сомневающийся был. И потом сказала, что не знаешь... Чего?

– Как приборы класть. Дедушка показывал, но это давно было, – повинилась я, слегка слукавив.

– Понятно, – совершенно спокойно, без подозрений принял объяснение рарк. – Я позже тебя научу, – пообещал и вытянулся, заглядывая на нагревательную панель.

Кадык на длинной тонкой шее дернулся, когда Ньевор проглотил слюну и намекнул:

– Окирис там не пережарится?...

– Ой! Да! – спохватилась я, бросаясь к сковороде.

Дальнейшее с лихвой компенсировало мне тот стресс, что пришлось пережить. Жевал рарк с завидным аппетитом и не скрывая получаемого удовольствия. Я старалась его не отвлекать. Сама тоже ела, хоть и не была так уж сильно голодна – за время готовки напробовалась. Но интересно же, каков итоговый результат.

И лишь когда заметила, что скорость поглощения снизилась, решила на вопрос:

– Почему ты не хотел, чтобы я все это использовала?

Сытый, расслабленный и оттого видимо подобревший, ответил Ньевор спокойно, задумчиво:

– Потому что я продукты для праздника покупал. Через двадцать дней взойдет Лидвот. Разве можно встречать его с пустым столом?

– Нельзя, – уверенно подтвердила я то, о чем понятия не имела, хоть и догадалась, что речь о местном светиле, которое так долго отсутствует на небосклоне. – Но двадцать дней это много. Можно успеть новые купить.

– Эх, Дея... – сокрушенно качнул головой Ньевор. – Это у вас в поселениях мясо и овощи ничего не стоят, потому что вы сами их выращиваете. Здесь они дороги, а у меня не так много средств.

Он помрачнел. Умиротворение, рожденное моими стараниями, исчезло в одно мгновение, смытое моим же неосторожным напоминанием о... проблемах? Определенно о них речь. Хоть он и не ответил прямо, но не на пустом же месте сидит на сухом пайке, ходит нервный и взрывается от малейшего повода. Узнать бы – что именно у него в жизни не ладится?

Понимая, что могу наделать ошибок, все же решила действовать. Я глупая, да, но ведь не бессловесная! И любопытство свойственно всем...

– Дедушка считал, – решила отдать ему авторство умной мысли, – что если плохо, то держать это в себе нельзя. Надо обязательно выговориться. Я его слушала, а он размышлял вслух. И решение находилось.

– Предлагаешь мне сделать то же самое? Боюсь, это бессмысленно. Так ничего не решить, – скептично хмыкнул рарк. Отложил вилку, с сожалением посмотрел на еду, которой оставалось еще много – не рассчитала я порции, перестаралась. Перевел взгляд на меня, виновато втянувшую голову в плечи, и неожиданно передумал: – Впрочем, я ведь ничего не теряю, верно? Давай только сначала все в гермики уберем, чтобы не испортилось.

«Гермики» оказались пакетами, при закрывании создающими вакуум внутри, а я начала подозревать, что холодом как способом сохранить продукты здесь совсем не пользуются. Впрочем, опять же, я ведь выводы делаю на одном конкретном примере, а это частный случай, не закономерность.

– Жаль, что до праздника они не долежат, придется съесть, – Нейвор начал «исповедоваться» раньше, чем мы закончили с уборкой. – А Восход будем с сублиматами встречать. И не в этой квартире.

– Как не в этой? – потрясенно повторила я последние слова, памятуя о том, что разговорчивость собеседников надо поддерживать. Это меня Ви научила. Она одно время психологией увлекалась, вот на мне и тренировалась. А потом суть приема объясняла.

– Вот так, – закрыв дверцу шкафа, рарк развел руками и поманил меня за собой. Видимо, решил, что в комнате нам будет удобнее. – Придется переехать еще выше. Нас ведь теперь двое, и по нормам площадь жилья должна быть больше.

– Здесь достаточно места, куда еще? – буркнула я ему в спину, топая следом.

– Нормы установлены законом, – оглянулся и строго посмотрел на меня рарк. – Это не моя личная квартира, а ведомственная. Мне из социального отдела уже прислали уведомление о нарушении правил размещения. Так что переезжать в любом случае придется. А этот этаж с большей площадью я по квартплате не потяну. Плюс на сублиматы расход увеличится. И тебя надо хоть немного приодеть – не будешь же ты все время в одном халате ходить. А зарплата у меня... – цыкнул языком, усаживаясь на диван. – Не самая большая, скажем так.

– Но ведь ты, забирая меня, знал, что будут расходы, – присев рядом, на свой страх и риск пролепетала я. Постаралась сделать это с максимально глупым видом, чтобы не вызвать подозрений.

– Знал, конечно. Просто рассчитывал, что получу повышение. Вызов принял, который мог меня хорошо зарекомендовать. Только ничего путного не вышло. Условия я не выполнил. Теперь мой рабочий статус даже ниже, чем был до этого.

– И что же делать?

– Вот и я о том же, – неприятно язвительно засмеялся Ньевор. – Что делать...

Он поднял глаза к потолку, словно искал там ответ. В итоге нервно дернул головой, и длинная челка вновь упала на лицо, скрывая его почти наполовину. И все равно острый, колющий взгляд я ощущала буквально физически, как прикосновение.

– Меня выгнать, – резонно предложила я.

– Вот дура! – в сердцах отреагировал рарк. Чуть ли не сплюнул с досады, да вовремя спохватился. – Я ведь твой вызов принял! Так что теперь где я, там и ты.

Он даже с дивана вскочил и, заложив руки за спину, принялся расхаживать по комнате, став при этом похожим на неуклюжую, длинноногую цаплю. Я же осталась сидеть и молчала, потому что Ньевору, кажется, больше мои подталкивания не были нужны – его наконец прорвало:

– Ничего, Дея, не переживай, я справлюсь. Мне ведь не впервой в такой затруднительной ситуации оказываться и себя ограничивать. Двенадцать оборотов назад, когда я отцу вызов бросил и из дома ушел, все намного хуже было. Ни работы, ни денег, ни угла для ночлега... Вот это был экстрим. Я пол-оборота обивал пороги потенциальных работодателей, которым было плевать на мое образование, раз нет опыта. Спал где придется, голодал. Даже на должность помощника инспектора меня не сразу взяли. До этого пришлось и мусорщиком поработать, и контролером на конвейере, и секретарем в отделе жалоб. Конечно, сейчас ситуация чуть иная, мне о тебе надо позаботиться, но я все равно не сдамся! Снова брошу вызов, право на это у меня осталось. Верну утраченное доверие дага, получу повышение... Ты мне веришь? – резко остановился, в очередной раз впиваясь в меня глазами.

– Я в тебя верю, – чуть сместила я акцент. – Если эта работа тебе нравится...

– Нравится? – Ньевор сдавленно хмыкнул и вернулся на диван. Упал, раскинув руки на спинке, и выдохнул: – Дея, я ведь по образованию инженер. Техник. А занимаюсь тем, что перекладываю, сопоставляю и анализирую бумажки. Поэтому, это может мне нравиться?

– Инженер? – ахнула я более чем искренне. Еще бы, такое совпадение! И моментально вспышкой сверкнуло озарение: – Ты мог бы на орбите работать! Я в новостях слышала, там новый модуль открывают, где ремонтируют патрульные крейсеры. Наверняка им кадры нужны!

Теперь и я на диване подскочила, не в силах сдержать эмоций. Ведь если у Ньевора все получится, то у меня появится возможность добраться до какого-нибудь корабля и... угнать! Улететь. Вернуться на Землю! Забыть о рарках как о страшном сне.

– Кто ж меня туда примет? – обрубил мои надежды Ньевор. – Тем более я столько времени не по специальности работал.

– Но попытаться-то можно, – не сдалась я, сердито буркнув. – От тебя что, кусок убудет, если попробуешь? Я бы на твоём месте рискнула точно. На прежней работе тебе ловить особенно нечего. Если останешься, так и проживешь всю жизнь на побегушках у дага Легора. Он-то твой вызов не примет и перепрыгнуть через себя не даст.

Ньевор, у которого от моей отповеди отвисла челюсть, неожиданно захохотал.

– А ты, оказывается, амбициозная девочка! И наивная. Совсем жизни не знаешь. Дед тебя, видимо, от реальности подальше держал. Не бывает таких удач, Дея. Не-бы-ва-ет. Все, хватит, иди спать, а то я опять не высплюсь и завтра еще в какие-нибудь неприятности влипну.

Глава 4

Ложная цель

Сидя на стуле в холле корпорации «Космолин» и рассматривая кабинет, ограниченный прозрачной стеной, где размещалась приемная комиссия, Ньевор нервничал. Припоминал прошлые неудачные попытки трудоустройства. Ругал себя за то, что повелся на заманчиво уверенный тон Деи. Хотя... Говорят, у глупцов интуитивный выбор правильных решений и поступков. Иначе как они вообще выживают? Возможно, действительно на этот раз повезет. Ведь этапов всего два! Прием документов и собеседование. Вот только если насчет второго раунд был спокоен, то первое...

– Ньевор Хот. Инженер высокоточного оборудования. Опыта работы по специальности нет. Закончил Холлосский технический университет, факультет прикладной динамики. Дополнительная специализация – «Молекулярное перестроение в атипичных средах», – отчеканил, когда, сменив очередного претендента, сел на стул перед одетым в строгий деловой костюм кадровиком.

– Это я и сам вижу, – проворчал тот недовольно, оторвав взгляд от экрана. – Данные, которые внесены в анкету. А оригинал диплома где?

– Утрачен. Восстановить не смогу.

– Почему? – заинтригованно воззрился на него сотрудник.

– Данные в учебном архиве тоже утеряны.

– Печально, – хмыкнул кадровик. – В таком случае ничем не можем помочь. Нам квалифицированные кадры нужны.

– Я могу пройти тестирование. Проверку. Любое задание... – начал было Ньевор и замолк, поняв, что его уже не слушают.

Парк поморщился. Затея была бессмысленная. Знал же, что ничего путного не выйдет. Зря послушал девчонку. День прошел напрасно, а за взятый отгул департамент зарплату уменьшит.

Резко оттолкнувшись от стула, Ньевор рванул на выход. Он не оглянулся, а потому не увидел, как сидевший чуть поодаль мужчина, со скучающим видом изучающий пейзаж за окном, а на деле внимательно отслеживающий происходящее, поднялся и пошел следом. Не видел Ньевор и того, как долго незнакомец за ним шел, постепенно сокращая расстояние и выбирая удобный момент. Потому и удивился, когда, в ожидании транспортной ленты, услышал за спиной:

– Есть разговор, Ньевор Хот.

Безликий серый комбинезон, универсальные ботинки-кроссы, свободная куртка, короткая стрижка, совсем не подходящая к округлому лицу с неприметными чертами, – вот то, что увидел цепкий взгляд черных глаз, прячущихся под длинной челкой. К таким личностям Ньевор никогда не испытывал доверия, потому что знал – за невзрачной внешностью скрывается куда больше, чем хотят показать. И это скрытое чаще всего грозит неприятностями окружающим. Но все же любопытство победило:

– Слушаю.

– Присядем? – тут же указал на скамейки невдалеке незнакомец, а когда сел, первым делом представился: – Тьес Тузар. Сотрудник... м-м-м... пока просто сотрудник, – уклончиво не стал афишировать свою организацию. – Я был в «Космолине» и видел твое резюме. Специалист по МоПвАС – редкая специализация. И осваивать ее решаются единицы.

– Бессмысленная, – передернул тощими плечами Ньевор. – По ней нет вакантных должностей. Негде работать.

– Напрасно так думаешь, – спокойноотреагировал Тьес. – Мы давно ищем специалиста в этой сфере. Как, впрочем, и в некоторых других. Поэтому и посещаем все возможные собеседования... Но это не важно. У меня полномочия от... м-м-м... тоже не важно. Пока просто вопрос: готов ли ты работать там, где высокий и уровень секретности, и степень ответственности. Само собой, оплата будет соответствующая.

– У меня нет документов, – тряхнул головой Ньевор.

– А разве документы будут проектировать? Работать со схемами? Делать расчеты? Нет? Тогда зачем они нам? – рассудительно заметил собеседник. – Ты же умный парк, этого не скроешь. Ну а если приврал насчет квалификации... У тебя есть возможность признаться и отказаться сейчас, пока еще не поздно. Потом твоих оправданий уже никто слушать не будет. Так что решаешь? Есть сомнения в своих силах?

– Никаких. Есть вопросы. Я живу не один.

– Жена? – деловито уточнил вербовщик.

– Нет. Любовница. Круглоухая.

– Понятно. – Тьес с трудом, но все же подавил улыбку. – В таком случае ограничений точно не будет. Сможешь брать ее даже в командировки. Жилой комплекс у... м-м-м... моей организации собственный, в непосредственной близости от самого места работы. Апартаменты в нем предоставляются на стандартных условиях. Еще вопросы?

– Последний. Когда истечет срок контракта и меня ликвидируют, мою девушку отпустят?

– Ну зачем так пессимистично... – поморщился вербовщик. – Контракт заключается бессрочный, без права расторжения у обеих сторон. А работы там не только на твою жизнь хватит, но и детям, если пойдут по твоим стопам. Разве только ты сам подставишься и дашь повод себя пристрелить.

– И все же? – продолжил настаивать Ньевор.

– Круглоухая? – задумался Тьес. – Отпустят. Чего ж зазря пускать в расход? Наверняка ведь кому-нибудь сгодится.

Рассуждал он бесстрастно, прагматично учитывая детали, и все равно Ньевора окатила волна возмущения. Дея «сгодится»? Уж лучше он ее сам убьет. С другой стороны, зачем тогда спросил, отпустят ли девушку? Это же логично, что, оставшись одна, она найдет себе любовника. Противоречивое чувство...

– Решил? – напомнил о своем присутствии озабоченный долгим молчанием Тьес и расслабился, услышав краткое:

– Согласен.

Высокие дома, стоящие совсем близко, издали напоминали прямоугольные, плотно растущие кристаллы. Они темными силуэтами высились в предрассветной, едва начавшей светиться дымке, вспыхивали яркими огнями окон, оконтуривались неоновой декоративной подсветкой. Практически прозрачный полетный туннель огибал эти здания и петлял, как древние американские горки. Компактное транспортное средство, именуемое «аграв», бесшумно в нем скользило, послушно совершая виражи и стремясь к цели, которая мне была пока неведома.

Прилипнув к окну ладонями и носом, я с нескрываемым интересом рассматривала невероятный пейзаж.

А что такого? Я глупая деревенщина, мне положено быть непосредственной.

Оглянувшись на сидящего рядом Ньевора, убедилась, что он по-прежнему занят своими мыслями, то есть до меня ему дела нет, и вернулась к изучению красот Ракиса. Вернее, к архитектуре мегаполиса, являющегося всего лишь шестым по масштабу на этой планете. М-да... Мне страшно представить, как же выглядит первый.

На Земле уже давно отказались от плотных застроек – максимум пространства, минимум тесноты... Рарки же все стараются расположить максимально плотно. Оттого и здания строят высокие, причем самые гигантские располагаются на

окраине. И это при том, что свободного пространства вокруг – немерено! Фактически весь город ютится на крошечном пятачке, хотя за его пределами тысячи километров неосвоенных земель, на первый взгляд пригодных для постройки.

– Нелогично, – не сдержалась, высказалась вслух и пожалела: рарк меня услышал.

– Что?

– Я говорю, непривычно, – лихорадочно подобрала схожее по произношению слово. Сомневаюсь, что понятие «логика» присутствует в речи круглоухих. И пояснила: – Здания. Они такие большие! И так близко! Зачем?

Последнее спросила с умыслом. Отвлечь – раз. Побудить хоть что-то мне рассказать – два.

– Так жителей же много, вот и большие, – терпеливо объяснил Ньевор. – А близко, чтобы на купол тратить как можно меньше энергии.

– Какой купол? – пролепетала я и изумленно похлопала ресничками, пытаюсь припомнить, видела ли хоть что-то подобное. Однако быстро пришла к неутешительному выводу – не видела. Еще и мой спутник, как на грех, вместо прямого ответа набросился на меня с вопросами:

– Дея, вы у себя в поселке после восхода Лидвот и до заката чем занимаетесь?

– Чем? – не нашла ничего лучше, чем тупо повторить его же вопрос.

– По домам сидите! – рявкнул Ньевор, видимо не выдержав. Поморщился, увидев, как я вздрогнула, и снова сменил тон на более мягкий: – А почему?

– Традиция, – жалобно предположила я. – Так принято.

– Ну да, – обреченно согласился рарк. – Только традиция не возникает на пустом месте без причины. Вы не выходите из домов, чтобы не получить дозу нейтронного излучения. Лидвот в этом смысле очень опасна. Только если вы

можете себе позволить десять дней изоляции и отдыха, то в городе жизнь не прекращается. Вот его и накрывают куполом, отражающим нейтроны. Понятно?

Кивнула. Спихватилась, сообразив, что душой в случае осознания термина «нейтрон» мне не быть. Мотнула головой в отрицании. Напоровшись на потрясенно-тоскливый взгляд, снова кивнула и пропищала: «Почти».

– Дея... – Ньевор поморщился и в явном смятении коснулся ушей. Провел пальцами по внешнему краю, снизу вверх и обратно, прежде чем продолжить: – Я понимаю, тебе не хочется выглядеть глупой, но скрывать тут нечего. Не надо стесняться. С тобой так легко, когда ты ведешь себя естественно! Но когда делаешь вид, что ты другая... У меня сразу ощущение возникает, что ты меня обманываешь.

Ой... А вот это нехорошо. Особенно потому, что из его слов я так и не поняла, в каком случае возникает подозрение. То есть в какие моменты я, по его мнению, веду себя естественно – когда на самом деле говорю, что думаю, или когда имитирую местный психотип круглоухих?

– То есть задавать вопросы я не могу? – сделала единственно возможное предположение.

– Да нет, задавай, если хочешь. Просто имей в виду, что многие вещи в этом мире сложнее, чем ты себе представляешь. Так что иногда я не смогу ответить так, чтобы тебе все стало понятно.

М-да... Вот уж действительно – ответил, и все равно ничего не понятно.

На всякий случай я все же кивнула и откинулась на спинку сиденья. Скользнула взглядом по внутреннему убранству аграва – бархатно-серым тонам обивки сидений и приятному сглаженному дизайну комфортного салона на двоих, отделенному от водителя непрозрачной перегородкой. Наполовину приопустила веки, из-под ресниц наблюдая за сидящим рядом рарком. Со вчерашнего дня что-то в нем неуловимо изменилось, и я никак не могла разобрать, что именно дает этот эффект.

Одежда?

Да, другая, нежели та, которую я видела на нем раньше, – свежая тонкая голубая рубашка, темно-серые качественные брюки с широким ремнем, узконосые черные ботинки, тоже новые. Впрочем, даже новый имидж внешне Ньевора не преобразил – он остался прежним угловатым, нескладным субъектом.

Получается, не в ней дело. Тогда... Работа?

Несомненно, могла повлиять. Ведь вернулся он домой такой взъерошенный, взбудораженный, бросил резкое: «Не сейчас!» и рванул в гостиную. Перерыл все полки, видимо что-то отыскивая, привел все в хаос, потом долго стоял у окна, что-то там высматривая, а когда ему надоело, сообщил: «Я нашел другую работу». Реакция на столь важное событие не совсем понятная. Я, честно говоря, ждала иной, когда провожала его утром из дому.

Так что, возможно, есть иная причина. Какая?... Деньги?

Они точно меняют людей. Думаю, что и рарки не исключение. А в том, что Ньевор внезапно «озолотился», можно было даже не сомневаться. За ужином сказал – последний раз мы с тобой едим эти сублиматы. Вечером отвел меня в местный магазин, позволив выбрать одежду. И сам приоделся.

С удовольствием, хоть и постаралась сделать это незаметно, я погладила приятную на ощупь светло-розовую ткань длинной юбки. Блузка прилегала к коже ничуть не менее ласково, да и туфельки сидели на ноге как влитые...

Однако вряд ли мой внешний вид заставил Ньевора измениться. Когда я вышла из примерочной, он лишь кивнул одобрительно, оценив мой выбор, не более.

Есть, конечно, еще одно предположение – сказалась бессонная ночь. Он ведь опять вместо сна что-то читал, перекладывая стопки информационных пластин, которые перетащил из гостиной в свою спальню. С другой стороны, уставал он и до этого.

Так что же тогда? Смена жилья? Перспективы? А может, все-все, вместе взятое?

Не найдя ответа, я бросила бессмысленное занятие. Когда-нибудь все само собой прояснится. Хотя, конечно, жаль, что у меня самостоятельно разобраться не получается, а Ньевор молчит как партизан. Мне сейчас любые подсказки нужны, раз поведение мое настолько нетипично, что рарк начал это подмечать. А значит, заметят и другие. Эх... Мне бы хоть полчаса с настоящими круглоухими пообщаться! Только где ж их взять? Судя по сообщениям в местном СМИ, живут они действительно отдельными общинами – поселениями. Да и на улицах города я только остроухих видела...

Ощувив силу, вжимающую в сиденье, торопливо распахнула глаза и дернулась к окну.

– Не бойся, – по-своему расценил мой порыв Ньевор. – Мы почти на месте.

– Хорошо, – согласилась я, усаживаясь обратно. И все же успела-таки увидеть стену, отливающую иссиня-черной облицовкой, и раскрытый зев ангара, куда плавно скользил аграв.

Жутко интересно, что же это за место, куда лететь пришлось ни свет ни заря, собрав скромные пожитки, которых у меня, по сути, и не было, а у рарка оказалось совсем немного, – техника, мебель и предметы быта являлись частью самой квартиры и принадлежали бывшему работодателю. Забирать их запрещено. Оставалось надеяться, что новое жилье окажется «экипированным» в той же степени.

Не прошло и пары минут, а аграв действительно уже остановился. Дверцы услужливо поднялись, и я, следуя примеру Ньевора, осторожно ступила на стерильно чистый белый глянцевый пол. Обежала глазами помещение, где наша машина не была единственной, и, увидев идущего к нам рарка, в сопровождении суровых вооруженных охранников в строгой серебристой форме, с трудом удержалась от желания спрятаться за спину своего защитника. Укрытие было бы сомнительной надежности, так что я осталась стоять в полушаге за его плечом, скромно опустив глаза в пол.

– Пунктуально. Это хорошо, – вместо приветствия нас одарили... видимо, комплиментом.

– Всего лишь прибыл ко времени, указанному в контракте, – не повелся на лесть Ньевор. – Что дальше?

– Тебя ждут в офисе, я провожу. Вещи доставят в жилой комплекс. Твою спутницу разместят в забронированных апартаментах.

Почувствовав изучающий взгляд, я все же позволила себе поднять глаза. Незнакомец же присмотрелся к моим ушам, чуть заметно дернул уголками губ и неожиданно предупредил:

– Ответственность за ее действия в полном объеме лежит на тебе.

– Я понял, – отчего-то хрипло выдохнул Ньевор. Развернулся, неожиданно цепко обхватывая меня за талию. Притянул совсем близко к себе и, склонившись к виску, тихо попросил: – Дея, сегодня из квартиры без меня не выходи, если не хочешь, чтобы сначала я придушил тебя, а потом они пристрелили меня.

Тон у него был вовсе не веселый. Шуткой от заявления не пахло от слова совсем. И мне этого вкупе с ожидающими окончания беседы охранниками хватило, чтобы осознать – устроился Ньевор работать на какой-то стратегически важный объект. Возможно, просто близкий к власти, возможно, военный, но несомненно секретный и со строгим режимом.

Неясно только, почему в таком случае у меня никто до сих пор документов не потребовал...

Надо отдать должное сопровождающим, со мной, даже оставшейся без своего спутника, они вели корректно. Спокойно подождали, когда еще один служащий переложит немногочисленные коробки с вещами из багажника агравы на маленькую платформу. Видимо, она была автоматической, потому что тут же заскользила по полу к ближайшему выходу. Мне молча указали оружием, что следует идти за ней. Сами позади шли, не торопя, но и не позволяя замедлить шаг.

Путь оказался не самым коротким. Широкий коридор. Лифт, плавно скользящий вниз. Зал-тамбур, с выходом на улицу. Дорожка, вдоль которой густо растут красивые декоративные кустики. Скамеечки, фонтаны, скульптуры неведомых мне существ и рарки... Деловито спешащие по своим делам, активно что-то

обсуждающие, расслабленно-прогуливающиеся... Ни напряжения, ни страха, ни безысходности. Я ничего этого в них не ощущала! Здесь были даже женщины, гуляющие с детьми или сплетничающие около фонтанчиков.

Практически в конце улицы платформа свернула к одному из трех жилых комплексов, в каждом из которых было по шесть невысоких зданий. У входа, в ожидании пока откроются двери и платформа заползет внутрь, я все же оглянулась – очень уж любопытно было, как выглядит офис. Наверняка что-то глобальное!

Мои чаяния он оправдал. Высоченное дугообразное здание, покрытое черным облицовочным материалом, внушало почтение. И разжигало любопытство, потому что на нем сиял голубым неоновым свечением своеобразный логотип – вдребезги разбивающийся кристалл. Однако было и то, что удручало – кажется, к космосу и кораблям здесь не имеют никакого отношения. А ведь я надеялась, что Ньевор ко мне прислушается и пойдет на собеседование в ту компанию, где нужны сотрудники для работы на орбите. Видимо, ошиблась. Он не рискнул, выбрал более «приземленную» работу.

– Заходи, красавица, – поторопил один из сопровождающих меня мужчин, – посмотришься еще, будет время.

На всякий случай я ему улыбнулась. Скромно так, застенчиво. Чтобы и хамкой не выглядеть, и на заигрывания не нарваться. Видимо, не очень удачную тактику выбрала, потому что уже в квартире, сгрузив коробки с платформы на пол, он снова заговорил, ничуть не стесняясь своего напарника:

– Захочешь еще что-нибудь посмотреть, с удовольствием покажу. Места, допустим, красивые. Или веселые. Да и у меня самого много интересного есть. Девушкам нравится, – выразительно поиграл бицепсами, рельеф которых даже форма скрыть не могла, а потом отработанным движением достал из кармана черно-белый квадратик размером с половину ладони. – Вот моя карточка. Как ее активировать, знаешь?

От неожиданности я отрицательно мотнула головой быстрее, чем подумала, как же на такую ситуацию среагировать. К счастью, ничего страшного не случилось. Кавалер просто поманил меня к стене у входной двери, рядом с которой стояла высотой мне по пояс стойка, похожая на столбик.

– Вот сюда кладешь и вот сюда нажимаешь, – сопровождал пояснение наглядной демонстрацией.

Площадочка на стойке засветилась синим, на самой карточке вспыхнул рисунок красных линий, а над ней сформировалось облако, похожее на атмосферную дымку. И в тот же миг прибор, закрепленный на виске мужчины, завибрировал, требуя каких-то ответных действий.

– В общем, я сам себе звоню, – захохотал рарк и, сняв карточку, вручил мне в руки. – Держи.

Он вышли, а я... Я тут же дверь приоткрыла, чтобы подслушать – ну а вдруг?! И ведь не зря это сделала.

– У нее же мужик есть, – все же высказался охранник, который казался безразличным.

– Да какой там мужик, – презрительно парировал наглец. – Ни мяса, ни рожи, один мозг. А таким девочкам разве умные речи нужны? Им бы объятия потеснее да трах подольше. Вот увидишь, она от него через неделю сбежит. Не ко мне, так еще к кому. Ну и смысл шанс упускать? Я же рарк свободный, личным вызовом не связан...

Последние слова уже едва различила и с раздражением закрыла дверь. Пренебрежение в отношении Ньевора неприятно царапнуло. Вот ведь гад самонадеянный! Умные мужчины, видите ли, девушкам не по нраву!

Круглоухим девушкам, – прагматично подсказала логика, заставив эмоции прижаться к полу и виновато вильнуть хвостом. Увы, но от местных стереотипов мне никуда не деться. Во мне все и всегда будут видеть легкомысленную вертихвостку. Обидно.

С другой стороны, а стереотип ли это? Может, оно так и есть? И на самом деле недалекий ум и специфичное поведение круглоухих это факт... м-м-м... диагноз, из которого нет исключений? Тогда я, если начну выделяться, точно навлеку на себя подозрения.

Невольно покрутила в пальцах карточку. Что с ней делать? Выбросить или оставить? Показать Ньевору, честно обо всем рассказав, или промолчать? Как поступила бы настоящая Дея?

За невозможностью найти правильный ответ, пришлось рассуждать, отталкиваясь от своих потребностей. Мне ведь что нужно? Улететь с этой планетки, да побыстрее! А как это сделать, если живешь под прицелом? Охранник же может стать «ключиком» к свободе. Значит...

Спрятала карточку в карман юбки – пусть лежит на всякий случай. Перевела взгляд на коробки, сгруженные в центре холла, потом осмотрелась и отправилась изучать новое пространство.

Квартира действительно оказалась большой. И от прежней отличалась не только площадью самих комнат, но и высотой потолков. Бросалось в глаза и то, что отделка здесь была качественнее, мебель – удобнее, а техника – совершеннее. Кухонного дегидрирующего аппарата я не обнаружила, зато нашелся другой, на первый взгляд – что-то типа универсального комбайна для приготовления еды. А еще здесь в наличии имелся холодильник! Не вертикальный, а горизонтальный в виде выдвигающейся из шкафа для хранения продуктов полки, но я все равно ему обрадовалась как чему-то родному и знакомому!

Самих продуктов в наличии не было – видимо, их покупать нужно или заказывать. Однако я не расстроилась. У меня столько дел! Со спальнями определиться, коробки разобрать, переодеться...

Начала с последнего, а уже затем, в полюбившемся, потому что очень удобном, синем халатике и тапочках я порхала по квартире, обустривая ее так, как мне казалось правильным и удобным.

– Ух... – только и смог выдохнуть Ньевор, когда наконец появился дома.

Я в этот момент расставляла на полке плоские коробочки с информационными носителями. Напряглась было, но, не почувствовав в интонации агрессии или недовольства, с улыбкой обернулась.

– Мне показалось, это место будет удобным, чтобы ты мог дома работать.

Вместо ответа рарк пробежал глазами по темно-синим стенам, отливающим перламутром, стеллажам цвета бело-серого мрамора, большому столу, выполненному в том же стиле, картинам, изображающим необычные пейзажи, диванчику для отдыха...

– Да, это кабинет, все правильно, – похвалил меня и, подойдя ближе, присмотрелся к коробочкам. – Почему ты их именно так поставила? – заинтересовался выбранным мною порядком.

– Потому что красиво, – не задумываясь ответила как есть. – Здесь черный кружочек один, без точек внутри, и находится в самом низу, – ткнула пальцем в самый левый корешок. – А здесь он же, но чуть выше и с одной точечкой, – переместилась на следующий, а затем дальше. – Он поднимается, а количество точек внутри него становится больше.

– А как же остальные символы? – прищурился Ньевор, словно что-то показалось ему подозрительным.

– Никак, – скрывая нарастающее беспокойство, дернула я плечами. – Это же невозможно – учесть сразу все. Надо выбрать что-то одно, и только на него ориентироваться.

– Это тебе дед говорил, – не столь вопросительно, сколь утвердительно прокомментировал услышанное Ньевор, в очередной раз доказав: логика – занятие не для круглоухих.

– Да, – не стала отрицать я «очевидного». – Так что? Мне их переставить как-то иначе?

– Не надо. Ты удобно рассортировала, пусть и не совсем привычно, – похвалил рарк. – И вообще ты молодец, все успела разобрать. Я пустые коробки видел в коридоре.

– Только поесть не приготовила, – повинилась я. – Продуктов не нашла. Совсем.

– Не страшно, – отчего-то радостно улыбнулся Ньевор. – Мы с тобой в ресторан сходим поужинать. Я теперь могу себе это позволить. Только ты переоденься.

Ресторан? Тут есть такой вид общественного питания? Ух...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/blank_el/na-grani-vyzova

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)